

ЭЛЬ КРАВЕН

ИНКАССАТОР НУЛЕВОГО РАНГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эль Кравен

Инкассатор нулевого ранга

«Автор»

2026

Кравен Э.

Инкассатор нулевого ранга / Э. Кравен — «Автор», 2026

Когда над Томском вспыхнули системные окна, кому-то достались огненные шары, кому-то — стальные кулаки. Мне же — класс «Инкассатор» нулевого ранга и приказ доставить броневик через умирающий город. Внутри не деньги. Там залог, от которого зависит, останется Томск свободным или станет собственностью первого сильного ублюдка. Маршрут перекрыт тварями. Улицы делят банды. Новый хозяин периметра уже предлагает людям безопасность в обмен на свободу. У меня нет легендарного дара. Есть броневик, помятая пломба, упрямый экипаж и задача, от которой зависит слишком многое. Система считает, что у каждого города должен быть владелец. Я собираюсь доказать, что она ошибается.

© Кравен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последняя мирная инкассация	5
Глава 2. Класс для чужих денег	12
Глава 3. Цена пустой аптечки	22
Глава 4. Маршрут существует	29
Глава 5. Чужая крепость	38
Глава 6. Безналичные мертвецы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эль Кравен

Инкассатор нулевого ранга

Глава 1. Последняя мирная инкассация

До конца смены остаётся сорок три минуты, и именно в этот момент телефон в нагрудном кармане начинает вибрировать. Я чувствую это даже через бронежилет. Три коротких толчка, пауза, ещё два. Варя. У неё для меня отдельный рисунок вызова, который она сама поставила года два назад, когда ещё считала забавным копаться в моём телефоне. Я тогда поворчал для порядка, а потом оставил. Удобно знать заранее, чей звонок собираешься пропустить.

— Опять дочь? — спрашивает Роман.

Он сидит за рулём, положив обе ладони на баранку, хотя двигатель заглушен и машина стоит в закрытом шлюзе расчётного центра. У Романа привычка: пока мы на маршруте, руки либо на руле, либо на оружии, либо на кружке с кофе. Если руки остаются свободными, он начинает ими объяснять жизнь и может случайно снести зеркало.

— У тебя камеры теперь через свинец видят?

— У тебя лицо через свинец видно. Возьми трубку. Галина Леонидовна ещё кассету не вынесла.

— После загрузки.

— Ты в прошлый раз тоже сказал «после загрузки».

Я смотрю на него. Роман невинно изучает красную лампу над внутренними воротами, но уголок рта дёргается. Очень хочется напомнить, что его собственная жена звонит ему только в случае пожара, развода или скидки на зимнюю резину. Не успеваю. За пулестойким стеклом появляется Галина Леонидовна и прикладывает карту к считывателю. Красная лампа меняется на жёлтую.

— Работаем, — говорю я.

Телефон затихает. С внутренней стороны открывается узкая дверь. Сначала выходит охранник центра — молодой, но уже с животом человека, который твёрдо решил дослужить до пенсии не сгибаясь. Осматривает шлюз, нас, броневик. Потом показывает большой палец. Только после этого появляется Галина Леонидовна. В правой руке у неё электронная ведомость, левая пристёгнута к серой кассете коротким страховочным ремнём.

Кассета обычная: усиленный пластик, металлическая рама, два замка, одноразовая пломба с номером. Я видел тысячи таких и ни разу не интересовался, сколько конкретно денег несу. Сумма мне не помогает. Сумма заставляет некоторых людей волноваться, а волнующийся человек становится предсказуемым. Поэтому для меня груз всегда весит одинаково: ровно столько, сколько потребуется, чтобы за него отвечать. Жёлтая лампа становится зелёной.

Я выхожу из броневика, не захлопывая дверь. Правой рукой держу автомат на ремне, левой принимаю ведомость. Номер маршрута, точка, время, номер кассеты. Проверяю пломбу. Провожу ногтем по ребристому язычку.

— Пять-семь-два-один-девять, — произносит Галина Леонидовна.

— Пять-семь-два-один-девять, — повторяю я.

— Ведомость последняя. Подпись здесь и здесь.

Она всегда говорит так, будто вокруг нет ни закрытого шлюза, ни камер, ни двух вооружённых мужчин. Будто мы встретились у прилавка за батоном и теперь выясняем, кому досталась мелочь. Я расписываюсь стилусом. Галина Леонидовна подносит палец к сканеру, но не касается.

— Илья Андреевич, у вас телефон звонил.

— Уже доложили.

— Значит, возьмите трубку.

— У нас режимная зона.

— А у меня трое детей, — спокойно отвечает она и прикладывает палец. — Режимные зоны заканчиваются. Дети почему-то нет.

Роман кашляет в кулак. Я снимаю ремень с запястья Галины Леонидовны, пристёгиваю к своему и ставлю кассету на выдвижную полку. Роман нажимает кнопку, лоток втягивается в грузовой отсек. Внутри щёлкает электромеханический замок. Готово.

Остаётся закрыть дверь, дождаться разблокировки внешних ворот, отвезти кассету в хранилище и поставить подпись. Потом можно будет позвонить Варе. Она, конечно, уже не ответит. В семнадцать лет человек способен сидеть с телефоном в руке два часа, но после пропущенного отцовского звонка внезапно оказывается занят на всю оставшуюся жизнь.

— На выходе подпишете бумажный дубль, — говорит Галина Леонидовна. — Сеть сегодня чудит.

— Бумага нас переживёт, — замечает Роман.

— Вас — возможно.

Он расплывается в улыбке. Галина Леонидовна не улыбается. Она вообще шутит с лицом человека, который сообщает остаток по счёту. Я уже ставлю ногу на подножку, когда свет гаснет.

Не мигает. Не проседает. Просто исчезает.

В темноте кто-то за пустой стеклянной дверью роняет металлический поднос. Звон получается резким, неправильным, и следом включается аварийное освещение. Узкие белые полосы вдоль пола. Красный фонарь над дверью. Зелёная лампа шлюза остаётся гореть, хотя всё остальное мертво.

— Не двигаться, — говорю я.

Роман уже вытащил ключ из замка зажигания, хотя двигатель не работал. Галина Леонидовна держит ведомость перед собой, как будто та может остановить пулю.

За стеклом расчётного зала люди поднимаются со стульев. Их немного: мужчина в сером костюме, женщина с ребёнком, двое кассиров, охранник. Все смотрят вверх. Я тоже смотрю. Потолка больше нет.

Он никуда не делся физически: панели, камеры и решётки вентиляции на месте. Но я вижу сквозь них матово-белое небо. Без солнца. Без облаков. По белизне медленно расходятся тонкие чёрные линии, складываясь в клетки. Сначала крупные, потом мельче, ещё мельче, пока вся высота над головой не становится похожа на стекло, которое вот-вот осыплется.

— Илья, — тихо говорит Роман. — Ты это...

— Вижу.

Белый свет проходит сквозь потолок и нас. Не слепит, не греет. Внутри на секунду становится пусто — так бывает, когда лифт неожиданно идёт вниз, только теперь вниз шагает весь мир. Перед глазами вспыхивают буквы.

[КОНТУР: локальная квалификация начата]

[Срок стабилизации: 36:00:00]

Я моргаю. Надпись остаётся. Рядом Галина Леонидовна медленно снимает очки, протирает их краем жилета и надевает обратно.

— У меня перед глазами текст, — сообщает она.

— У всех, — отвечает Роман. — Кажется.

За стеклом мужчина в сером костюме машет руками и что-то кричит кассиру. Звука мы не слышим, но смысл понятен. Требуется открыть дверь. Женщина прижимает ребёнка к себе и пятится от окон. Вторая строка возникает под первой.

[Класс определяется]

[Не прерывайте значимое действие]

— Какое ещё действие? — спрашивает Роман.

— Ты сидел, — говорю я. — Продолжай профессионально.

— Очень смешно.

Мужчина в сером костюме внезапно хватается кассира за ворот. Тот пытается оттолкнуть его, охранник подбегает сбоку. Все трое валятся на стойку. Женщина с ребёнком кричит уже нам, показывает на главный вход. Стекло темнеет.

Снаружи по ним проходит волна, будто на улицу вылили густую нефть. Чёрное пятно задерживается у нижней кромки, потом поднимается. Стекло выгибается внутрь.

— В машину, — говорю я Галине Леонидовне.

— Внешние ворота заблокированы.

— В машину.

Она не спорит. Забирается следом за Романом, садится на складное место за водительским креслом. Я захлопываю боковую дверь, но сам остаюсь в шлюзе. Между нами и расчётным залом — пулестойкая перегородка с технологической дверью. Между залом и улицей — фасад, рассчитанный на пушечную пулю и кирпич. Не на то, что сейчас ползёт по стеклу.

Мужчина в костюме отталкивает охранника, перепрыгивает через низкий турникет и бежит к нашей двери. По пути хватается с пола выпавшую из рук кассира пачку банкнот. Успевает сунуть её за пазуху, будто деньги всё ещё что-то решают. Он бьёт ладонью по стеклу.

— Откройте! — доносится сквозь перегородку. — Открывайте, суки!

— Назад! — кричу я и показываю ему отойти.

Мужчина оглядывается на вход. Чёрная масса с той стороны уже закрыла половину дверей. В ней проступают плоские серые тела. Одно, второе, пятое. Они двигаются не как животные. Скорее как большие ладони, которые кто-то прижал к стеклу снаружи и заставил ползти вверх.

Охранник поднимается. На лбу у него кровь.

— Аварийное открытие! — кричит он. — У стойки!

Кассир ползёт к панели. Мужчина в костюме хватается его за плечо, разворачивает к себе.

— Сначала сюда! Слышишь? Открой инкассаторам!

— Отпусти его, — говорю я.

Он не слышит или не хочет. Замахивается. Я вижу, как напрягается его плечо, как кассир прикрывает голову, как женщина с ребёнком садится за стойкой. Значимое действие, мать его.

Я прикладываю карту к считывателю технологической двери. Мёртвая панель вспыхивает зелёным.

— Илья, не открывай, — говорит Роман из машины. Голос идёт через внутреннюю связь. — Мы не знаем, что там.

— Там люди.

— Я не про людей.

Замок щёлкает. Я приоткрываю дверь ровно настолько, чтобы пройти боком, и сразу захлопываю за собой. Мужчина в костюме делает шаг ко мне.

— Открывай шлюз!

— Отойди от кассира.

— Ты вообще понимаешь, кто я?

— Мужик с чужими деньгами за пазухой.

Лицо у него меняется. До этого он был напуган, теперь становится оскорблённым. Страх человек иногда ещё способен контролировать. Оскорбление — редко.

— Это мои деньги.

— Конечно. Все так говорят.

За спиной у него трещит фасад. Не громко. Сухо. Одна белая линия бежит от нижнего угла двери к потолку. По ней тут же расползается сетка. Я поднимаю автомат.

— Все за стойку! Живо!

Охранник хватается за локоть, та тянет ребёнка. Кассиры падают на пол. Мужчина в костюме остаётся передо мной. Смотрит на ствол, на технологическую дверь, снова на ствол.

— Ты обязан нас вывезти.

— Я обязан не дать тебе мешать.

Фасад лопается. Внутрь летит не стекло — серая плёнка удерживает осколки и вместе с ними вваливается в зал. Первое существо ударяется о пол, расплывается, потом собирается. Плоское тело, четыре длинные лапы, голова без глаз. По спине идут ребристые пластины, которые скребут плитку.

Отсюда и звук. Скрежет, от которого сводит зубы. Я стреляю дважды.

Первая пуля выбивает серую крошку из плеча. Вторая разворачивает тварь, но не останавливает. Она прыгает. Я ухожу в сторону, прикладом сбиваю лапу, чувствую удар по бронежилету и запах мокрого железа. Тварь цепляется когтями за ремень автомата. Я не перетягиваю. Шагаю к ней, сокращая рычаг, и втыкаю ствол под пластину. Очередь в три.

Существо дёргается и оседает. Из-под него растекается не кровь, а густая тёмная вода.

[Угроза устранена]

[Получен опыт: 12]

Текст висит прямо над дохлой тварью.

— Вот теперь точно пиздец, — говорит охранник.

Через разбитый фасад лезут ещё три. Я отступаю к стойке.

— Огнетушители!

Кассир смотрит на меня пустыми глазами.

— Что?

— Красные баллоны! Срывай!

Охранник понимает первым. Бежит к стене, рвёт пломбу на шкафу. Мужчина в костюме тем временем пятится к технологической двери. Не к женщине с ребёнком. Не к кассирам. К нашему шлюзу.

— Стой! — ору я.

Он хватается за считыватель. Панель не реагирует. Тогда мужчина суёт руку за пазуху, достаёт пачку и бьёт ею по стеклу, будто собирается подкупить дверь. Одна из тварей замечает движение.

Она меняет направление мгновенно. Мужчина успевает обернуться и выставить руки. Пачка денег разлетается. Серое тело бьёт его в грудь, прижимает к перегородке. Когти проходят сквозь костюм. Он кричит.

Я стреляю, но угол плохой: за тварью технологическая дверь и броневик. Пуля уходит в пол. Мужчина бьёт существо кулаками, потом нащупывает на поясе что-то блестящее. Маленький складной нож. Раскрывает, втыкает между пластинами. Тварь резко отскакивает.

Вместе с ней от мужчины отрывается кусок рубашки и кожи. Он падает, прижимая ладонь к боку. Деньги вокруг темнеют, покрываются серым налётом. На купюрах появляются тонкие лапы. Бумага складывается, как мёртвые бабочки, и ползёт обратно к существу.

Охранник поливает пеной вторую тварь. Та шарахается, врезается в стойку. Я расстреливаю мягкое место под брюхом. Третья прыгает на прилавок, но кассир снизу бьёт её металлическим стулом. Не убивает, зато сбивает траекторию.

— К шлюзу! — кричу я. — По одному! Женщина с ребёнком первая!

— Дверь закрыта! — отвечает охранник.

— Я открою.

Поднимаю карту. В этот момент на потолке что-то грохочет. Не снаружи — сверху, в вентиляции. Решётка выгибается.

Галина Леонидовна появляется за стеклом шлюза. Она выбралась из броневика и стоит у панели с внутренней стороны.

— Илья Андреевич! — кричит она. — У меня доступ заведующей!

— Открывайте на три секунды!

— Там межзонная блокировка!

— Снимайте!

Она прикладывает ладонь. Панель вспыхивает красным, потом жёлтым. Замок щёлкает. Я дёргаю дверь.

Женщина толкает ребёнка вперёд. Девочка лет восьми, в розовой куртке, спотыкается о порог. Галина Леонидовна ловит её. Следом протискивается мать. Один кассир. Второй.

Мужчина в костюме поднимается сам. Белый, мокрый, ладонь прижата к боку.

— Помоги, — говорит он.

Я беру его за ворот и тяну. Он делает шаг, другой. Из вентиляции падает четвёртая тварь. Прямо между нами и охранником. Охранник отступает, выставив пустой огнетушитель.

— Закрывай! — орёт он.

— Иди сюда!

— Закрывай, мать твою!

Тварь поворачивает голову к нему. Он швыряет баллон, попадает в морду и бросается к служебному коридору. Не к нам. Уводит существо за собой.

Я затаскиваю мужчину. Галина Леонидовна бьёт по панели. Дверь сходится, когда серые когти уже скребут по металлу с той стороны. Три секунды.

В расчётном зале остаётся охранник. Я вижу его через стекло: он добегают до угла, исчезает за дверью. Тварь следует за ним.

— Он знает запасной выход, — говорит Галина Леонидовна.

Не вопрос. Утверждение, которое должно помочь нам обоим. Я киваю.

Мужчина в костюме сползает по стене. Оксаны у нас пока нет, врача тоже. Только автомобильная аптечка, два жгута и мои курсы первой помощи, которые каждый год выглядят одинаково аккуратно, пока перед тобой не оказывается настоящее мясо.

— Роман, аптечку!

Он уже несёт. Я разрезаю рубашку. Раны глубокие, но грудная клетка, кажется, цела. Кровь идёт сильно. Мужчина смотрит на мои руки и вдруг цепляет меня за запястье.

— Деньги, — шепчет он.

— Что?

— Там деньги.

— Лежи.

— Мои...

— Если встанешь, будут ничьи.

Он пытается усмехнуться и захлёбывается стоном. Перед глазами снова возникает текст.

[Значимое действие зафиксировано]

[Класс определён]

[ИНКАССАТОР]

[Ранг класса: 0]

Чуть ниже появляются две строки.

[ОПИСЬ]

[ПЛОМБА]

Я моргаю, но слова не исчезают. Роман в этот момент замирает с раскрытой аптечкой.

— У меня «Водитель», — говорит он. — Просто, блядь, водитель.

— Поздравляю. Не придётся переучиваться.

— У тебя что?

Я смотрю на серую кассету за внутренней решёткой броневика. Даже сквозь металл вижу тонкий янтарный контур. На пломбе горит номер. Под ним — незнакомая надпись.

— Потом.

Мужчину укладываем на пол броневика. Мать с ребёнком садятся рядом, кассиры — на складные лавки. Места заканчиваются. Галина Леонидовна остаётся у открытой боковой двери.

— Внешние ворота не поднимаются, — говорит Роман из кабины. — Гидравлика в блоке.

— Ручной сброс.

— Снаружи шлюза.

— Вижу.

У правой стены под красным кожухом расположен аварийный рычаг. До него восемь метров открытого пространства. Технологическая дверь дрожит под ударами. Твари нашли металл и проверяют его на толщину. Я закрываю боковую дверь броневика, оставляя Галину Леонидовну снаружи.

— Вы куда? — спрашивает она.

— Подниму ворота.

— Тогда я к панели. Одному неудобно.

— В машину.

— Я заведующая расчётным центром.

— Сейчас это не звание.

— А у вас нулевой ранг, — отвечает она. — Я тоже вижу надписи, Илья Андреевич. Не тратьте время на субординацию, которой больше нет.

Спорить с Галиной Леонидовной можно долго. Проверял. Поэтому я просто показываю ей, где встать, чтобы броневик закрывал от двери.

Роман запускает двигатель. Дизель схватывает сразу, и этот знакомый звук действует лучше успокоительного. Машина живая. Пока у нас есть машина, маршрут и топливо, мир не окончательно сошёл с ума. Он просто очень старается.

Я подбегаю к рычагу, срываю кожух. Рукоять не двигается.

— Фиксатор снизу! — кричит Роман через динамик.

Нахожу скобу, отжимаю. Рычаг идёт вниз тяжело, с хрустом. Внешние ворота поднимаются на ладонь, на две. За ними вместо обычного двора лежит серый туман. Удары в технологическую дверь прекращаются. Это хуже.

— Быстрее, — говорит Галина Леонидовна.

Я наваливаюсь всем весом. Ворота ползут вверх. Полметра. Метр. Броневик пройдёт, если снять проблесковые маяки, но сейчас не до экономии. За нашей спиной открывается технологическая дверь.

Не ломается. Открывается.

На пороге стоит охранник. Тот самый, с разбитым лбом. В правой руке у него карта доступа, в левой — окровавленная ножка стула. За спиной никого.

— Я же говорил, запасной выход, — хрипит он.

Галина Леонидовна коротко выдыхает. Я отпускаю рычаг, и тот остаётся внизу.

— В машину!

Охранник бежит. В тумане за внешними воротами что-то шевелится. Роман включает фары. Свет выхватывает привычный бетонный двор, шлагбаум, будку охраны. Только всё покрыто тонкими чёрными линиями, словно город разметили на части и забыли спросить разрешения.

Галина Леонидовна забирается в броневик последней. Я захлопываю дверь и бью ладонью по перегородке.

— Пошёл!

Роман давит газ. Броневик срывает поднятые наполовину ворота. По крыше визжит металл, маяки разлетаются синими осколками. Машина выскакивает во двор, ломает шлагбаум и останавливается перед улицей.

— Почему встал?

— Потому что улицы нет, — отвечает Роман.

Я смотрю через лобовое стекло. Дорога на месте. Асфальт, разметка, припаркованные автомобили. Но в двадцати метрах поперёк проезжей части стоит полупрозрачная стена высотой с дом. За ней Иркутский тракт продолжается под другим небом — тёмно-зелёным, с двумя бледными лунами. По той стороне медленно идёт нечто на слишком длинных ногах. Перед глазами вспыхивает карта.

Вернее, то, что Система считает картой. Наш двор отмечен белой точкой. Центр города — янтарной. Между ними серые сектора, чёрные пятна и тонкая линия, которая пока обрывается у первой стены. Я вспоминаю про кассету.

Сосредотачиваюсь на янтарном контуре. Слово «Опись» приходит само, будто я всю жизнь знал, куда нажать внутри головы.

[ОПИСЬ]

[Объект: кассета инкассационная № 57219]

[Физическое содержимое: несущественно]

[Системный статус: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАЛОГ ТОМСКА]

[Получатель: Центральный терминал]

[Целостность: 100%]

[Срок доставки: 35:31:44]

Последняя строка загорается красным.

[При просрочке груз будет взыскан вместе с территорией обеспечения]

— Илья? — спрашивает Роман. — Чего ты там увидел?

Я смотрю на стену, за которой чужая тварь ставит длинную ногу на наш асфальт. Потом на время. Потом на телефон в кармане. От Вари пришло сообщение.

«Можешь сейчас говорить?» Тридцать минут назад.

Я беру трубку, нажимаю вызов. Сеть молчит.

— Увидел конец смены, — говорю я.

И передёргиваю затвор.

Кассета за спиной тихо щёлкает. Не замок. Пломба. На ней вместо заводского номера появляется одно слово:

[ПРИНЯТО]

Глава 2. Класс для чужих денег

Стена поперёк Иркутского тракта похожа на плохо вымытое стекло. Если смотреть прямо, за ней тянется чужая дорога под зелёным небом. Стоит перевести взгляд чуть в сторону — и проступают наши дома, вывеска шиномонтажа, автобусная остановка с женщиной в красной куртке. Женщина стоит неподвижно, прижав ладони к стеклу павильона. Я не понимаю, видит ли она нас.

Длинноногая тварь по ту сторону стены делает ещё один шаг. На месте коленного сустава у неё две костлявые петли, складывающиеся в разные стороны. Голова висит между плечами, как пустой мешок. До нас метров двести, но расстояние там ведёт себя подозрительно: нога опускается далеко, а по асфальту дрожь проходит под колёсами броневика.

— Назад, — говорю я.

— Я ещё вперёд не ехал, — отвечает Роман.

— Поэтому у тебя отлично получается.

Он сдвигается к разбитым воротам, разворачивает машину в тесном дворе и ставит носом к боковому выезду. За нами из расчётного центра выбирается охранник. Шатается, но идёт сам. В руке по-прежнему сжимает ножку стула, будто успел к ней привязаться. Я открываю боковую дверь.

— Запрыгивай.

— Места нет.

— Это не экскурсионный автобус.

Охранник оглядывается. Во дворе пусто. В окнах расчётного центра что-то серое бежит по стенам, временами показываясь в проломе фасада. Остаться ему некуда, и он всё-таки забирается внутрь, устраивается на корточках между лавкой и ногами раненого.

— Павел, — говорит он. — Павел Сафронов.

— Вижу бейдж.

Павел машинально прикрывает ладонью пластиковую карточку на груди, потом понимает бессмысленность движения и криво усмехается.

— Класс «Охранник». Нулевой. Дали дубинку, которой нет.

— Может, ножка стула считается.

— Система сказала — табельное имущество.

— Тогда потребуй ведомость.

Галина Леонидовна бросает на нас взгляд. Мы оба замолкаем.

В салоне тесно и пахнет кровью. Мужчина в сером костюме лежит на полу, головой к грузовой решётке. Жгут ему не нужен — кровь идёт из рваных ран на боку, там только тугая повязка и давление. Я прижимаю сложенный пакет к его рёбрам. Он больше не вспоминает про деньги. Лицо серое, губы подрагивают.

— Имя? — спрашиваю я.

— Крамов... Алексей Лукич.

— Аллергия на лекарства есть?

— На бедность.

— Значит, жить будете.

Он пытается смеяться, но выходит короткий хрип. Одна из кассиров — Марина, если верить табличке на жилете, — держит его за плечо. Вторая сидит рядом с девочкой в розовой куртке и шепчет ей что-то про мультики. Мать девочки смотрит в выключенный телефон. Палец снова и снова нажимает боковую кнопку, будто связь можно выдавить силой.

— Нам нужна больница, — говорит Марина.

— Нам нужен выезд со двора, — отвечает Роман из кабины. — Потом всё остальное.

Я отпускаю повязку на секунду. Кровь сразу проступает между пальцами. Прижимаю снова. Перед глазами всё ещё висит маленькая янтарная отметка кассеты. Стоит подумать о ней, как справа появляется строка:

[Целостность груза: 100%]

Ни слова о восьми людях в салоне. Ни слова о раненом. Система считает кассету. По крайней мере мой класс считает её.

— Галина Леонидовна, вы передали мне груз добровольно?

Она поправляет очки.

— До начала этого безобразия — в соответствии с маршрутной ведомостью.

— Сейчас тоже?

— А что изменилось?

Я киваю на решётку.

— Содержимое несущественно.

— Для кого?

— Для Системы.

Галина Леонидовна поднимается, насколько позволяет низкий потолок, и смотрит сквозь решётку. Серую кассету почти не видно за креплениями.

— У нас в ней остаток вечерней инкассации, — произносит она. — Наличные, носители и закрытый пакет. Сумму я вам не назову.

— Я и не спрашиваю. Здесь написано: «Общественный залог Томска».

В салоне становится тихо. Даже девочка перестаёт шептаться с кассиром. Роман поворачивает голову из кабины.

— Чего?

— Того. Получатель — Центральный терминал. Срок доставки — тридцать пять с половиной часов.

— Где терминал?

— Центр.

— Очень точный адрес.

— Система работает не хуже нашей диспетчерской.

Галина Леонидовна касается пальцами решётки. Янтарный контур вспыхивает ярче. На секунду мне кажется, что она тоже его видит.

— Пломба изменилась, — говорит она. — Номер пропал.

— Теперь там «Принято».

— Вы принимали?

Я вспоминаю щелчок, когда ворота уже остались позади.

— Видимо.

— Не видимо, а либо да, либо нет, — отрезает она. — За груз отвечают не видимо.

При других обстоятельствах я бы оценил формулировку. Сейчас некогда.

— Я ничего не подтверждал.

— Вы открыли опись?

— Открыл.

— Поставили пломбу?

Я уже собираюсь ответить отрицательно, но в памяти возникает момент у кассеты. Страховочный ремень на запястье. Номер, который я повторяю вслух. Обычная рабочая процедура, сделанная за секунду до белого неба.

— Старую проверил.

— Для вашей новой профессии, похоже, хватило.

— Илья, — говорит Роман. — Можно философию после того, как мы найдём дорогу без жирафа из ада?

Он показывает в боковое окно. Тварь за стеной исчезла. Не ушла — только что была и больше нет. На асфальте с нашей стороны остаются две глубокие вмятины, будто кто-то опустил на дорогу бетонные сваи.

— Правый выезд, — говорю я. — Через гаражи.

— Там ворота.

— Были.

Роман смотрит на меня в зеркало, потом включает передачу. Броневи́к движется вдоль стены центра. У правого выезда решётчатые ворота действительно закрыты. Роман не тормозит. Удар приходится на усиленный бампер, створки выгибаются, одна слетает с нижней петли. Женщина с телефоном вскрикивает. Павел упирается ногами в пол и удерживает Крамова за плечи.

— Можно предупреждать? — спрашивает он.

— Роман считает, что ремни придумали для слабых.

— Ремни придумали для тех, кто слушает водителя, — отзывается тот. — Сейчас налево.

— Почему?

— Справа мусоровоз. И он на нас смотрит.

Я поворачиваюсь к бойнице. В переулке стоит зелёный мусоровоз с поднятым кузовом. Кабина пуста. В лобовом стекле отражается белая сетка неба. Фары медленно загораются, хотя мотор молчит.

— Не проверяем, — говорю я.

Роман берёт левее. Мусоровоз срывается с места.

Он не заводится, не рычит — просто катится, быстро набирая скорость. Под колёсами что-то трещит. Из приёмного бункера свешиваются серые лапы Скребней. Несколько тварей облепили кузов и двигают машину, цепляясь за асфальт.

— Вот же мерзость, — говорит Роман почти с уважением.

Он вдавливая педаль. Переулок узкий, справа гаражи, слева бетонный забор. Мусоровоз догоняет. Я отодвигаю внутреннюю заслонку бойницы. Стрелять в тварей бесполезно: их десятки, и большая часть закрыта металлом.

— В конце Т-образный, — говорит Павел. — Направо тупик, налево к заправке.

— Откуда знаешь?

— Я здесь обедаю.

— Очень важная подготовка.

До перекрёстка остаётся метров сорок. Роман не сбрасывает. Я вижу, как напрягаются его плечи. Мусоровоз почти касается нашего заднего бампера.

— На перекрёстке ручник, — говорю я.

— На этой корове?

— Сделай вид, что ты водитель.

— А ты сделай вид, что не командуешь.

Он бросает броневи́к влево. Машину кренит, люди внутри валятся на стену. Я удерживаю Крамова коленом и одной рукой, второй цепляюсь за поручень. Зад броневи́ка уходит в занос. Мусоровоз не успевает повернуть, проскакивает прямо и врежется в ряд гаражей.

Металл складывается. Серые тела срываются с кузова. Одно ударяется в нашу дверь, когтями цепляет ручку. По салону проходит скрежет. Павел вскидывает ножку стула.

— Не открывай, — говорю я.

— Я не собирался.

— Тогда не стой с выражением охотника.

Роман выравнивает машину и уходит к заправке. Скребень держится ещё несколько секунд, потом отлетает. За нами из разбитого мусоровоза выбираются остальные. Они не пре-

следуют. Обступают кабину, начинают рвать металл, будто внутри осталось что-то более интересное.

Через двести метров переулок заканчивается очередной полупрозрачной стеной. Эта тоньше. За ней нет чужого неба, только наша улица, но цвета вымыты, а брошенные машины стоят под другими углами. Когда броневик приближается, перед глазами появляется сообщение.

[Граница сектора]

[Рекомендуемый ранг: 0]

[Вход разрешён]

— У меня разрешён, — говорит Роман.

— У меня тоже, — сообщает Павел.

Остальные начинают отвечать. Классы получили все. Галина Леонидовна — «Хранитель учёта». Марина — «Счётчик». Вторая кассирша — «Оператор». Мать девочки — «Швея», и она говорит это с таким возмущением, будто Система специально прочитала её трудовую книжку и решила унижить. У Крамова класса нет или он не может его открыть.

— А ребёнок? — спрашиваю я.

Женщина прижимает дочь сильнее.

— Пишет «До допуска три года».

Значит, возрастной порог. Хорошо. Хотя что-то здесь не окончательно свихнулось.

— Проходим, — говорю я.

Броневик касается стены. Холода нет. Удара тоже. На секунду всё вокруг становится плоским: лица, стены, собственные руки. Потом мир возвращает объём. Женщина с ребёнком вскрикивает, Крамов стонет. В грузовом отсеке щёлкает кассета.

[Целостность: 100%]

[Маршрут не построен]

— Почему не построен? — шепчу я.

— Что? — спрашивает Галина Леонидовна.

— Ничего.

Если у класса есть способность «Маршрут», мне её пока не дали. Нулевой ранг — это опись и пломба. Я могу знать, что везу, и чувствовать, когда в груз лезут. Куда ехать, должен понимать сам. Телефон оживает.

Не мобильная сеть. Служебная радиостанция на груди. Сначала треск, потом три коротких сигнала вызова.

— Экипаж семнадцать, ответьте базе.

Голос Глеба Арсеньева узнаётся даже сквозь помехи. Ровный, спокойный, с лёгкой хрипотцой человека, который курить бросил, но разговаривать об этом продолжает. Я нажимаю передачу.

— Семнадцатый на связи.

— Статус экипажа.

— Машина на ходу. Два сотрудника без тяжёлых ранений. В салоне гражданские, один тяжёлый. Груз принят.

На последних словах пломба в отсеке отзывается теплом под рёбрами. Не болью. Предупреждением.

— Подтверждаю, — говорит Глеб. — Двигайтесь в точку сбора «Север». Координаты передаю.

На экране служебного терминала возникает метка Каштака. Новый жилой комплекс «Северный парк», где наша фирма охраняет подземный паркинг. До Наложения там были забор, видеонаблюдение и половина жильцов, считавших, что шлагбаум превращает их в отдельное государство.

— У нас раненый, — говорю я. — Нужна больница.
— Медики есть в точке.
— Центральный терминал находится в другой стороне.
Пауза длится меньше секунды. Но Глеб её делает. Значит, про терминал знает.
— Кто сообщил?
— Груз.
— Илья, текущий маршрут закрыт. Центральная часть получила высокий уровень угрозы. «Север» стабилизирован, есть генераторы, вода и вооружённая охрана. Везите актив туда.
— Актив имеет получателя.
— Получателем является банк.
Галина Леонидовна протягивает руку.
— Дайте радиостанцию.
Я качаю головой.
— Кассета получила статус общественного залога.
На этот раз пауза длиннее.
— Тем более. Общественный залог нельзя возить по городу без защищённого пункта хранения.
— Откуда вы знаете?
— Потому что я не трачу время на споры с интерфейсом. У меня класс «Владелец периметра». Я уже создал безопасную зону. Четыреста мест, Илья. Для наших сотрудников и семей — приоритет.
Роман смотрит на меня в зеркало. Ничего не говорит, но я помню: Наташа и Кирилл дома на Каштаке.
— Моя дочь в центре, — произношу я.
— Варвара?
То, что он помнит имя, бесит сильнее, чем должно.
— Да.
— Мы найдём возможность забрать её после стабилизации. Сейчас ты отвечаешь за экипаж и груз.
— Я знаю, за что отвечаю.
— Тогда выполняй распоряжение. Время работы старой структуры ещё не закончилось.
Галина Леонидовна всё-таки забирает у меня радиостанцию. Не вырывает — просто берёт за нижний край, и я почему-то отпускаю кнопку.
— Глеб Викторович, — говорит она. — Я Круглова, заведующая вечерней кассой расчётного центра. Отправителем груза являюсь я. Точку назначения не меняла.
— Галина Леонидовна, рад слышать, что вы живы.
— Не тратьте время на соболезнования заранее. Передачу банку подтвердите системной формой.
— Здесь нет формы.
— Тогда нет и передачи.
Она возвращает мне станцию. Глеб вздыхает.
— Через пятнадцать минут город станет хуже, чем сейчас. Вы не доберётесь до центра. Я не хочу отдавать приказ на перехват собственного экипажа.
— Не отдавайте.
— Координаты у вас. Предложение действует до полуночи. После этого места пойдут тем, кто способен быть полезным.
Связь обрывается. Роман продолжает ехать к заправке. Чуть медленнее, чем раньше.
— Четыреста мест, — говорит он.

- Слышал.
- Наташа с Кириллом на Каштаке.
- Тоже помню.
- И Варя у тебя в центре.
- Рома.
- Я не предлагаю ехать к Глебу. Я вслух раскладываю дерьмо по кучкам.
- Не раскладывай при людях.
- Люди уже внутри дерьма, Илья. Некоторые по шею.
- Крамов хрипит. Марина поднимает край повязки и тут же прижимает обратно.
- Он холодный.

Я касаюсь шеи. Пульс частый, слабый. До ближайшей больницы раньше было десять минут. Теперь между нами и больницей неизвестное число секторов, а на карте нет ни одной рабочей дороги.

- Глеб сказал, у них медики, — тихо напоминает Роман.
- Он сказал много.
- Раненому от нашей принципиальности не легче.
- Я не везу его в место, откуда не знаю условий выхода.
- А если он сдохнет здесь?

Вопрос остаётся в салоне. Крамов открывает глаза. Видимо, слышит.

- Я согласен на Каштак, — шепчет он.
- Вы сейчас согласны на что угодно, — говорит Галина Леонидовна.
- Это моя жизнь.
- Именно поэтому решение нельзя принимать, когда вы теряете сознание.
- Бабка, ты...
- Заведующая кассой.

Крамов снова закрывает глаза. Роман тормозит перед выездом из переулочка. Заправка впереди выглядит целой. Навес, четыре колонки, магазин. На площадке стоят две легковушки и перевёрнутая скорая. Синие проблесковые маяки ещё работают — вспыхивают попеременно, окрашивая белую сетку неба. У скорой двигается человек.

Женщина в тёмно-синей форме тянет боковую дверь, придавленную корпусом машины. Рядом на асфальте лежит мужчина в форме водителя. Дальше, у магазина, бродят три серые твари. Не Скребни. Эти стоят на задних ногах, передние руки почти касаются земли. На гладких лицах светятся по три вертикальные полосы.

- Видишь? — спрашиваю Павла.
- Вижу.
- Знаешь?
- Откуда?
- Вдруг охранникам инструкцию выдали.

Он смотрит на ножку стула и сплёвывает под лавку.

- Очень смешно.

Женщина у скорой замечает броневик. Поднимает обе руки, потом показывает на лежащего водителя. Одна тварь у магазина поворачивается к ней.

- Проезжаем? — спрашивает Роман.

Он спрашивает не потому, что хочет проехать. Ему нужно, чтобы решение произнёс я.

- Ставь машину между ней и магазином. Левым бортом. Дистанция пять метров.
- А если эти прыгают?
- Узнаем.
- Ненавижу практическое обучение.

Броневи́к выезжает на площадку. Твари двигаются сразу. Не бегут — шагают длинно, ломано, и с каждым шагом светящиеся полосы на их лицах становятся ярче. Женщина у скорой продолжает тянуть дверь, будто нас не заметила.

— Эй! — кричу через бойницу. — От машины!

— Здесь человек зажат!

— Отойди, прикроем!

— Не могу!

Первая тварь поднимает руку. На ладони вспыхивает такой же белый знак, как в системных окнах. Воздух между ней и женщиной дёргается. Я стреляю.

Пуля попадает в предплечье, сбивает руку. Светящийся знак размазывается по асфальту и остаётся там гореть. Тварь поворачивается ко мне. На её лице появляется четвёртая полоса.

[МЕТЧИК]

[Уровень 2]

Опись срабатывает сама. Полезно. Поздно, но полезно.

— Второй уровень! — говорю я.

— А у нас какой? — спрашивает Роман.

— Плохой.

Он включает сирену. Звук режет площадку. Все три Метчика разворачиваются к броневику. Женщина у скорой наконец отскакивает. Роман давит газ и направляет машину на ближайшую тварь. Та не уходит. Ладонью ставит знак прямо на капот. Удар.

Метчика отбрасывает, но белая метка остаётся на металле. Перед глазами вспыхивает предупреждение.

[Имущество экипажа помечено: 1/3]

— Ещё две, и что? — спрашивает Роман.

— Не знаю.

— Отличная система.

Вторая тварь прыгает на боковую стену. Павел через бойницу бьёт ножкой стула по её пальцам. Метчик поворачивает к нему гладкое лицо. Павел отшатывается, но на его рукаве уже горит белая полоса.

[Участник помечен: 1/3]

Я открываю заднюю бойницу и стреляю в упор. На этот раз целюсь не в грудь, а в светящиеся линии. Первая пуля гасит одну, вторая срывает кусок гладкой ткани с лица. Под ней нет кости — только свёрнутая белая нить. Третья пуля рвёт нить, и Метчик складывается пополам.

[Угроза устранена]

[Получен опыт: 24]

Оставшиеся двое отступают к магазину. Не убегают. Смотрят.

— Забираем женщину и водителя, — говорю я. — Быстро.

— У нас мест нет, — напоминает Роман.

— Освободим пол.

Я выхожу. Павел следует за мной, сжимая свою железку. Женщина у скорой уже на коленях рядом с водителем. Волосы выбились из-под синей шапочки, на щеке кровь.

— Он жив? — спрашиваю я.

— Пока да. Таз зажат, нужна гидравлика. В машине второй пациент и лекарства.

— Наш броневи́к не разжим.

— У вас трос.

— Крепление вырвет дверь вместе с рамой.

— Значит, вырвет.

Она говорит резко, но не паникует. Смотрит сначала на мои руки, потом на оружие, потом на машину. Оценивает.

— Фельдшер?

— Оксана Белова. Седьмая подстанция.

— Илья Гордин. Инкассация.

— Вижу. У вас в салоне кто-то кровью истекает.

— Тоже вижу.

Оксана заглядывает через открытую дверь и одним движением оказывается внутри. Крамова осматривает быстро: глаза, шея, повязка, живот.

— Давление не измеряю, но уходит. В больницу не довезёте. У меня в машине раствор и гемостатик.

— Достанем.

— Сначала водителя.

— Сначала то, без чего Крамов умрёт за десять минут.

Она смотрит мне в глаза. Злится. Потом кивает.

— В синем контейнере, крепление справа. И красный рюкзак. Не трогайте прозрачный бокс.

— Почему?

— Инсулин. Двенадцать упаковок. Везла в школьное убежище на Алтайской. У них холодильник на генераторе и трое детей на постоянной терапии.

— Это до или после конца света?

— Уже после. Диспетчер успела дать адрес, потом связь легла.

Я смотрю на перевёрнутую скорую. Через заднее стекло виден прозрачный бокс, вокруг которого дрожит слабый зелёный контур. Не мой янтарный. Другой.

— У груза есть системный статус?

Оксана на секунду замолкает.

— Есть. «Медицинское обязательство». Срок сорок восемь минут. Я не могу оставить водителя и не могу открыть дверь.

— Передайте мне.

— Что?

— Контейнер. Как груз. С адресом и получателем.

— Вы инкассатор, а не курьер.

— Система пока не жаловалась.

— Я пожалуйсь первой.

Она возвращается к водителю, просовывает руку между кабиной и асфальтом, проверяет пульс.

— Если мы вытащим его, вы довезёте лекарства?

— Если адрес доступен и срок реальный.

— Очень человечно.

— Зато без вранья.

Оксана дёргает подбородком в сторону троса.

— Цепляйте.

Дверь скорой вырывает не с первого раза. Роман подаёт броневик назад, натягивает трос, металл стонет. Метчики у магазина не приближаются. Один ставит белую ладонь на стену, и по кирпичам ползёт светящийся знак. Второй смотрит на нас.

— Ещё раз! — кричит Оксана.

— Рама пойдёт! — отвечает Роман.

— Пусть идёт!

— Люблю врачей. Чужая техника у них бессмертная.

Он даёт газ. Крепление лопаётся. Боковая дверь скорой вместе с куском стойки летит по асфальту. Мы с Павлом оттаскиваем водителя. Таз не раздавлен, его держало креслом и панелью; кровь есть, но Оксана после короткого осмотра разрешает переносить.

Из салона скорой вынимаем красный рюкзак, синий контейнер и прозрачный бокс. Второй пациент мёртв. Оксана накрывает его термоодеялом, задерживает ладонь на краю секунду и сразу отворачивается.

— Имя? — спрашивает Галина Леонидовна из броневика.

— Фёдор Мальцев.

— Записала.

Оксана смотрит на неё, потом на меня.

— У вас что, ведомость погибших?

— Пока список, — отвечает Галина Леонидовна. — Ведомость требует подписи.

Мы грузим водителя. Крамову Оксана делает укол, ставит раствор, закрепляя пакет на поручне изолентой. Роман ворчит, что изолента служебная, но тихо. Прозрачный бокс остаётся у меня в руках.

— Отправитель? — спрашиваю я.

Оксана выпрямляется.

— Фельдшер выездной бригады Оксана Белова.

— Груз?

— Двенадцать упаковок инсулина в термоконтейнере. Пломба цела. Температура на момент передачи плюс четыре.

— Получатель?

— Убежище номер четыре, школа на Алтайской. Старшая — Елена Павловна Мишина.

Или любой дежурный медик, если она погибла.

— Последняя часть не проверяется.

Оксана сжимает губы.

— Тогда Елена Павловна Мишина. Она была жива двадцать минут назад.

— Срок?

— Сорок две минуты.

Я протягиваю руку.

— Принимаю.

Оксана отпускает контейнер не сразу. Несколько секунд мы держим его вдвоём. Потом её пальцы разжимаются. Под кожей на запястье проходит горячая линия.

[ДОГОВОР ПРИНЯТ]

[Груз: инсулин, 12 упаковок]

[Получатель: Елена Павловна Мишина]

[Срок: 00:41:57]

[Награда: очки маршрута]

[Просрочка: снижение коэффициента доверия]

Одновременно янтарная отметка главной кассеты остаётся на месте. Значит, класс допускает больше одного груза.

Перед глазами появляется тонкая зелёная линия. Она идёт от прозрачного бокса через броневик, пересекает площадку, ныряет между домами и исчезает в серой стене следующего сектора. На этот раз маршрут построен. Только способность у меня всё ещё закрыта. Система просто показывает обязательство, которое уже умирает у меня в руках.

— Сорок одна минута, — говорю я.

— До Алтайской раньше было пятнадцать, — отвечает Оксана.

Роман смотрит на две серые фигуры у магазина.

— Раньше здесь не было этих бухгалтеров без лица.

Метчик поднимает ладонь. На стене магазина вспыхивает третья белая полоса. Все брошенные машины на заправке одновременно заводятся.

— В броневик! — говорю я.

Оксана хватает красный рюкзак.

— Водителя не бросим.

— Он уже внутри.

— Тогда чего стоите?

Мы захлопываем дверь. Роман бьёт по газу. За нами с места срываются легковушки, а на каждой крыше сидит по серой твари. До получателя — сорок одна минута. До дочери — неизвестно сколько. И впервые за всю смену я точно знаю, что опоздать нельзя.

Глава 3. Цена пустой аптечки

Часы в правом углу зрения отсчитывают секунды без звука: 00:40:51. Ещё одна сгорает — 00:40:50. Прозрачный контейнер с инсулином лежит у меня на коленях. Я держу его обеими руками не потому, что боюсь уронить: бокс пристёгнут к поясу коротким ремнём и зажат между бронежилетом и перегородкой. Просто так легче не смотреть назад. За кормовыми бойницами мечутся фары.

Машины, оставшиеся на заправке, едут за нами без водителей. Сначала три, потом пять. Метчики сидят на крышах, обхватив стойки длинными руками. Их гладкие головы раскачиваются на поворотах. Одна легковушка уже потеряла передний бампер, другая тащит за собой заправочный шланг, и металлическая муфта прыгает по асфальту, выбивая искры.

— Они прибавляют, — говорит Павел.

Он стоит у задней бойницы, ножка стула давно брошена. Теперь у него мой запасной карабин. Табельное оружие расчётного центра осталось внутри вместе с половиной прежнего мира.

— В городе ограничение шестьдесят, — отвечает Роман. — Пусть оформляют нарушение.

Броневик входит в поворот. Люди в салоне прижимаются друг к другу. Оксана удерживает пакет с раствором над Крамовым и одновременно упирается коленом в плечо своего водителя. Фёдор Мальцев в сознание не приходит, но дышит ровнее. Крамов, наоборот, приходит на несколько секунд, пытается что-то сказать и снова проваливается.

— Не трясись! — кричит Оксана.

— Сейчас выйду и попрошу дорогу перестать быть разбитой!

— Попроси себя не входить в поворот как псих!

— Я вхожу как человек, которого догоняет пустая «Камри»!

«Камри» бьёт нас сзади. Удар проходит через раму. Контейнер подпрыгивает, ремень впивается мне в пояс. На боковой стене загорается вторая белая метка.

[Имущество экипажа помечено: 2/3]

— Ещё одна, — говорю я.

— И что будет?

— Если спросишь третий раз, узнаем быстрее.

Роман выжимает из броневика всё, что у того есть. Дизель ревёт, коробка держит передачу. Перед нами дворовый проезд заставлен машинами. Зелёная линия обязательства идёт прямо между ними. Просвета для броневика нет.

— Направо! — говорит Павел. — За домом сквозной проезд.

Я смотрю на линию. Она не поворачивает.

— По маршруту прямо.

— Там не пролезем.

— Пролезем.

— Илья, между машинами три метра, у нас два сорок пять без зеркал.

— С зеркалами?

— Два восемьдесят.

— Сними.

— Об столб?

— Об машины.

Роман коротко матерится и направляет броневик в щель. Правое зеркало складывается о припаркованный кроссовер. Левое с хрустом отрывается и улетает под колёса преследующей

«Камри». Борта трутся о машины. Сигнализации просыпаются одна за другой, двор наполняется воем.

— Великолепно! — орёт Роман. — Теперь сюда сбегутся все!

— Зато пустые машины не пролезут.

«Камри» пытается. Её разворачивает поперёк проезда. Следующая легковушка врезается в неё, третья — во вторую. Метчики слетают с крыш, но не падают: цепляются за стены и балконы, растягивая руки на несколько метров. Один приземляется на наш капот.

Я вижу его через лобовое стекло. Гладкое лицо, четыре светящиеся линии. Между ними открывается вертикальная щель. Не рот — что-то вроде разреза на ткани. Из щели выходит белая нить и ползёт по стеклу к Роману.

Он дёргает руль. В таком проезде маневрировать некуда. Броневи́к бьёт бортом ещё одну машину.

— Убери эту дрянь!

Я открываю боковую дверь. Ветер врывается в салон вместе с воем сигнализаций. Оксана прижимается к стене, прикрывая пациентов. Павел тянется к карабину.

— Не стрелять через стекло! — говорю я.

— А ты куда?

— На работу.

Выбираюсь на подножку. До капота полтора метра, под колёсами мелькает асфальт. Броневи́к идёт километров сорок, но во дворе этого хватает, чтобы любое падение стало последним не по графику. Цепляюсь левой рукой за верхний поручень, ставлю ногу на выступ крыла.

Метчик поворачивается. Белая нить тянется ко мне. Перед глазами вспыхивает:

[Попытка маркировки]

[Объект имеет действующую пломбу]

Нить касается контейнера, висящего у меня на ремне, и отскакивает. Вот оно.

Тварь умеет метить бесхозное. Принятый груз для неё закрыт.

— Оксана! — кричу я.

— Я занята!

— В красном рюкзаке есть пустой жёсткий футляр?

— Верхний карман!

— Дай Павлу!

Метчик делает шаг по капоту. Металл прогибается. Я не стреляю: слишком близко стекло, а стрелять в светящиеся полосы одной рукой неудобно. Вместо этого бью контейнером по белой нити. Та снова отлетает. Тварь вздрагивает, полосы на лице гаснут на секунду. Роман замечает.

— Ещё раз!

— Дорогу держи!

— Я её между «Ладой» и чьей-то ипотекой держу!

Из салона высовывается рука Павла. В ней чёрный пластиковый футляр размером с книгу. Я хватаю его.

— Это пустой медицинский кейс! — кричит Оксана. — Не потеряй!

— Кому он нужен?

— Мне!

— Получатель — Оксана Белова, — произношу я. — Груз — медицинский футляр. Срок — две минуты. Принимаю.

Футляр вспыхивает янтарным.

[Дополнительный груз принят]

Система не спрашивает, зачем Оксане пустая коробка. Для неё футляр ценен, она назвала себя получателем, я согласился доставить. Этого хватает. Я ставлю пломбу.

Не знаю как. Просто провожу большим пальцем по защёлке, и под кожей ладони собирается тепло. На пластике появляется янтарная полоса. Метчик дёргается к ней так резко, будто его ударили током. Я швыряю футляр на крышу припаркованного фургона.

Тварь прыгает следом. Белая нить тянется за пломбой, Метчик цепляется за фургон, а наш броневик вырывается из тесного ряда.

— Доставь обратно, — напоминает Оксана.

— Что?

— Ты принял груз на две минуты.

Часы появляются рядом со счётчиком инсулина.

00:01:46.

— Роман, тормози.

— Ты издеваешься?

— Развернись за домом. Мне нужен футляр.

— Там Метчик!

— Именно поэтому не пешком.

Роман выдаёт ругательство, в котором последовательно оскорбляет меня, Систему, медицину и производителя футляров. Но за домом закладывает разворот. В салоне никто не смеётся. Люди ещё не привыкли, что иногда смешное и страшное происходят одновременно и не спрашивают, чему дать место.

Мы возвращаемся к проезду с другой стороны. Метчик сидит на фургоне и рвёт янтарную полосу когтями. Не получается. Другие твари карабкаются по стенам, преследующие машины застряли.

— Правее, — говорю я.

— Там детская площадка.

— Между горкой и песочницей.

— Если выживем, родители убьют.

Броневик сносит низкий заборчик. Роман выводит машину прямо к фургону. Я высовываюсь из двери, цепляю футляр рукой. Метчик ударяет сверху. Когти проходят по наплечнику бронжилета, срывают ткань. Павел стреляет из бойницы и попадает в светящуюся линию. Тварь отдёргивается. Я втягиваю футляр внутрь.

[Доставка завершена]

[Получено: 3 очка маршрута]

[Коэффициент доверия: 1,01]

Оксана забирает коробку.

— Две минуты не прошли.

— Спасибо за высокую оценку сервиса.

— Плечо покажи.

— Целое.

— Кровь откуда?

Я смотрю. По рукаву действительно идёт тонкая тёмная полоса. Коготь прошёл через ткань у шеи.

— Потом.

— Снимай жилет.

— У нас тридцать шесть минут.

— Тогда я зашью тебя на ходу, а Роман снова скажет, что тряска полезна.

— Не скажу, — отзывается водитель. — Я вообще теперь молчаливый.

— Три секунды продержишься?

Он считает до двух и влетает на лежащего полицейского. Оксана ударяется плечом о стену.

— Скотина.

— Не удержался.

Она всё-таки обрабатывает царапину, заклеивает полосой пластыря и возвращается к Крамову. Я проверяю контейнер. Температура держится, пломба цела.

Зелёная линия уходит во двор следующего дома. Теперь я понимаю её лучше. Она не ведёт по кратчайшему пути. Она выбирает тот, где физически можно пройти. То есть если линия ныряет в подъезд, значит броневнику там делать нечего, но груз всё равно можно пронести. Через три квартала именно это и происходит.

Маршрут заканчивается у закрытых ворот подземного паркинга. Школа на Алтайской видна за домами, до неё метров четыреста. Улица впереди перекрыта столкнувшимися автобусами, между ними ходят Скребни. Зелёная линия проходит под воротами.

— Подземка сквозная? — спрашивает Роман.

— На карте дома два выезда, — говорит Павел. — Второй со стороны школы.

— Откуда ты знаешь?

— Я здесь не обедаю. На плане вижу.

Он показывает телефон. Обычная офлайн-карта работает, хотя навигации нет.

— Ворота не поднять, — говорит Роман. — И по высоте можем не пройти.

Я выхожу, подхожу к металлическим секциям. Над воротами знак ограничения: два метра двадцать. Наш броневик выше почти на сорок сантиметров. Часы:

00:31:08.

— Пешком, — говорит Оксана. — Я понесу контейнер.

Я протягиваю ей бокс. Янтарная пломба на кассете за спиной вспыхивает болью. Не сильно, но достаточно.

[Передача принятого груза невозможна]

— Не отдаёт.

— Кто?

— Класс.

— Прекрасно. Тогда идём вместе.

— Пациенты?

Оксана смотрит на Крамова. Раствор почти закончился. Фёдор всё ещё без сознания. Оставлять её с ними правильно. Брать с собой — значит потерять время и людей.

— Я останусь, — говорит она. — Красный рюкзак тебе. Внутри фонарь, перевязка и адреналин. Не перепутай с чем-нибудь полезным.

— Павел со мной.

— Я? — спрашивает охранник.

— У тебя метка и оружие.

— Отличный набор для курорта.

Галина Леонидовна поднимается.

— Я тоже.

— Нет.

— Получателем главного залога назначен терминал. Если с вами что-то случится, нужен отправитель, способный подтвердить передачу другому хранителю.

— Другого хранителя здесь нет.

— Тем более нужно узнать, как его назначить.

Я смотрю на неё. Пятьдесят восемь лет, служебный жилет поверх светлой блузки, туфли с низким каблуком. В руках электронная ведомость, которая давно не работает. Никакого оружия.

— Останетесь в машине.

— Илья Андреевич...

— Если я не вернусь за двадцать минут, Роман едет к Глебу. Вы подтверждаете передачу ему при условии помощи всем людям в машине.

Роман резко поворачивает голову.

— Ты сейчас за меня решил?

— Я сейчас дал тебе плохой вариант на случай ещё худшего.

— А Варя?

— Будешь искать связь и передашь Ларисе последнее сообщение.

Он перестаёт спорить. Именно поэтому я ненавижу произносить такие вещи. Они слишком быстро делают любой разговор настоящим. Галина Леонидовна медленно садится.

— Двадцать минут, — говорит она.

— Тридцать, — вмешивается Оксана. — У него срок.

— Двадцать пять, — решаю я. — Потом уезжаете.

— А инсулин?

— Не будет меня — не будет и доставки.

Часы отзываются красным.

[Нарушение обязательства приведёт к отзыву доверия]

Система подтверждает. Удобная сволочь. Никакой подсказки, только последствия.

Ворота паркинга открываем вручную на сорок сантиметров. Павел ложится на бетон, просовывает руку и нащупывает трос аварийного подъёма. Я тяну секцию вверх, он фиксирует. Пролезаем по-пластунски. Внутри темно и тихо.

Первый ряд машин стоит ровно. Во втором некоторые двери открыты. На полу валяются пакеты, детский велосипед, один мужской ботинок. Зелёная линия идёт между столбами к дальнему выезду.

— Фонарь не включай, — шепчет Павел.

— Почему?

— Не знаю. Здесь просто очень хочется, чтобы мы его не включали.

Хороший аргумент. Мы идём при аварийном свете. Контейнер пристёгнут к поясу, автомат в руках. Павел держится в двух шагах справа. Белая метка на его рукаве светит слабо, зато её хватает, чтобы видеть лицо. На половине пути над нами что-то щёлкает. Потом ещё раз.

По потолку одна за другой загораются лампы. Не белые — зелёные. Свет движется от входа к нам.

— Это не я, — говорит Павел.

— Я догадался.

Впереди между машинами появляется женщина. Стоит к нам спиной. Домашний халат, босые ноги, распущенные волосы. На плечах серый налёт.

— Эй, — тихо зовёт Павел. — Вам помощь нужна?

Женщина поворачивается. Лица у неё нет. Вместо него светятся три белые полосы. Метчик научился надевать человека. Из открытых машин поднимаются ещё фигуры.

Пять. Семь. Десять. Часы показывают двадцать четыре минуты.

— Назад? — шепчет Павел.

Я смотрю на зелёную линию. Она проходит прямо между ними.

— Нет.

— Их десять.

— Одиннадцать.

За нашей спиной от потолка отделяется ещё одна фигура. Я снимаю с пояса пустой металлический магазин, оборачиваю его полосой бинта из рюкзака и протягиваю Павлу.

— Это зачем?

— Скажи, что он тебе нужен.

— Мне нужен полный.

— Этот нужен, чтобы мы вышли.

Павел понимает. Сжимает магазин.

— Груз — пустой магазин. Получатель — я. Срок?

— Две минуты.

— Принимаешь?

— Принимаю.

Я ставлю пломбу. Янтарный свет вспыхивает в его руке. Все фигуры одновременно поворачивают головы.

— Теперь куда? — спрашивает Павел.

— Беги к левому ряду. Когда они пойдут за тобой — брось магазин мне через машины.

— А если не поймают?

— Я расстроюсь.

Он бежит. Метчики срываются следом. Не все. Трое остаются на зелёной линии. Я двигаюсь вперёд, стреляю в ближайшую белую полосу. Фигура в халате падает на капот, тело внутри неё обмякает отдельно от серой оболочки. Живая или уже мёртвая — проверить некогда.

Второй Метчик тянет нить. Она бьёт по контейнеру и отскакивает. Я захожу сбоку, стреляю в лицо. Третий прыгает с крыши машины. Принимаю удар плечом, падаю на колено, вдавливаю ствол в серый живот. Павел кричит:

— Лови!

Я скидываю руку. Янтарный магазин летит над рядами. Метчики меняют направление прямо в прыжке. Один врежется в столб. Другой падает на крышу и сминает металл. Ловлю магазин.

[Груз возвращён хранителю]

— Ещё не доставлен, — говорю я.

Павел уже у дальнего выхода. Я бросаю магазин ему. Он ловит обеими руками.

[Доставка завершена]

[Получено: 3 очка маршрута]

Метчики замирают на секунду. Пломба исчезла. Пустой магазин снова становится бесхозным и неинтересным. Мы используем эту секунду.

Бежим к воротам. Павел дёргает аварийный трос. Секция поднимается. За ней дневной свет, школьный двор и люди за баррикадой из парт.

— Свои! — кричит Павел. — Не стрелять!

По нам всё равно стреляют. Пуля бьёт в бетон справа. Я падаю за низкую стенку, закрывая контейнер.

— Инкассация! — ору я. — Доставка для Елены Мишиной!

За баррикадой возникает женщина в белом халате поверх спортивного костюма.

— Я Мишина! Где Оксана?

— У скорой, с ранеными!

— Контейнер сюда!

Я пересекаю двор под прицелами трёх охотничьих ружей. Люди смотрят на меня так, будто решают, не подделал ли я голос, лицо и форму. В новом мире сомнение взрослеет быстрее детей.

Елена Мишина выходит из-за баррикады. Показывает пустые руки.

— Фельдшер Белова передала двенадцать упаковок инсулина, — говорю я. — Температура при приёме плюс четыре, пломба цела. Получатель — вы.

— Подтверждаю.

Она берёт контейнер. Ремень отстёгивается сам.

[ДОСТАВКА ЗАВЕРШЕНА]

[Целостность: 100%]

[Просрочка: отсутствует]

[Получено: 74 очка маршрута]

[Получен уровень 2]

[Доступно повышение ранга класса]

Тепло проходит от ладоней к плечам, затем вниз по позвоночнику. Боль в царапине исчезает. Усталость отступает, будто я выпил два кофе и впервые за сутки нормально выспался. Перед глазами появляется выбор.

[Повысить класс «Инкассатор» до ранга 1?]

— Да, — говорю я.

Елена Мишина отпускает контейнер и удивлённо смотрит.

— Что?

— Не вам.

[Ранг повышен]

[МАРШРУТЧИК]

[Открыта способность: МАРШРУТ]

Зелёная линия доставки гаснет. Вместо неё из моей груди тянется тонкая янтарная нить. Она проходит через школьный двор, подземный паркинг, кварталы и уходит на запад — к центру Томска. Теперь я вижу дорогу для главного груза. Линия сразу ныряет обратно в паркинг.

— Плохо? — спрашивает Павел.

— У нас двадцать минут, чтобы вернуться к машине.

Телефон в кармане вибрирует. Сообщение пришло без сети. От Вари.

«Пап. Мы в центре, в театральной студии. Нас двадцать три. Если доберёшься — не приезжай один». Я перечитываю дважды. Под сообщением появляется системная приписка:

[Отправитель находится в секторе с рекомендуемым рангом: 3]

Я только что получил первый. Из паркинга доносится скрежет.

Метчики идут к нам. Теперь их больше.

Елена Мишина смотрит на школьные окна. За каждым — люди.

— Я могу дать вам пятерых с ружьями.

— Не надо.

— Там ваши раненые.

— Поэтому открывайте ворота и готовьте место. Мы приведём машину.

— Если приведёте.

Она говорит это без издёвки. Просто в мире появились условия, после которых обещания перестали быть вежливой формой будущего времени. Я смотрю на янтарный маршрут. Он ведёт сквозь тёмный паркинг, полный тварей.

— Приведём, — отвечаю я.

Внутри под рёбрами отзывается пломба. Система услышала.

Глава 4. Маршрут существует

Янтарная линия входит под шлагбаум и раздваивается возле будки охраны. Левая ветка уходит вниз, туда, где мы уже были. Правая пересекает двор, проходит сквозь кирпичную стену соседнего дома и снова появляется на улице.

— У тебя маршрут или строительный проект? — спрашивает Павел.

— Маршрут существует.

— Стена тоже.

Я подхожу ближе. Линия действительно не упирается в кирпич, а ныряет под него. В самом низу стены видна решётка, за которой темнеет вентиляционный короб. Пройти там сможет кошка, худой ребёнок или человек, которому очень надо выбраться. Броневи́к не протиснется даже после кремации.

— Теперь понимаю, — говорю я.

Елена Мишина стоит в школьном дворе с двумя мужчинами. Один держит двустолку, другой — пожарный топор. Они смотрят не на нас, а на въезд в паркинг. Оттуда уже доносится шелест множества лап.

— Что понимаешь? — спрашивает Елена.

— Система не обещает безопасную дорогу. Только возможную.

— Очень полезная способность.

— Других нет.

Я считаю людей за школьными окнами, хотя знаю число. Двадцать восемь вместе с теми, кто принёс сюда детей позже. Плюс наши восемь в машине, если Крамов и Фёдор ещё считаются. Путь в паркинг один, и по нему сейчас ползут Скребни. Оставить броневи́к — значит оставить раненых, основной груз и Галину. Отправить школьных стрелков — получить ещё двоих раненых и два ружья без хозяев.

— Откройте спортивный зал, — говорю Елене. — Подготовьте места у внутренней стены. Ворота не закрывайте до моего сигнала.

— Вы же сказали, что приведёте машину.

— Приведём. Но когда она войдёт, времени на знакомство не будет.

— А тварей вы куда денете?

Я смотрю на янтарную линию. Она не отвечает.

— Попробуем оставить там, где нашли.

Павел снимает карабин с предохранителя. Мы возвращаемся под шлагбаум.

Паркинг встречает нас тишиной. Метчики, которых мы увели в нижний уровень, ещё не добрались сюда, зато Скребни уже спустились с потолка. Они сидят на крышах машин, поджав лапы, и все разом поворачивают головы, когда моя подошва хрустит по стеклу. Один цепляется за бетонную колонну так близко, что я вижу тёмную пульсацию под его полупрозрачной спиной.

Маршрут ведёт не по проезду. Он проходит между рядами, потом взбирается на капот серого кроссовера и перепрыгивает на соседнюю машину. Для человека — можно. Для броневи́ка — нет. Я возвращаюсь к воротам, отмечаю на стене мелом две полосы.

— Придётся расчистить.

— Чем? — Павел указывает на ряд машин. — Эвакуатор вызовешь?

— Руками. Нейтраль, руль, толкаем по одной.

— Под гнездом?

— Не шуми, и оно решит, что ты мебель.

— Отличный план.

— У тебя есть лучше?

— Есть. Не ехать сюда.

— Опоздал примерно на конец света.

Мы двигаем первую машину вдвоём. Старый универсал стоит носом к стене, ключей нет, дверь заперта. Павел разбивает боковое стекло обмотанным рукавом прикладом, лезет внутрь и нащупывает рычаг. Сигнализация не включается — аккумулятор мёртв. Коробка переходит в нейтраль, колёса нехотя проворачиваются. Скребни следят. Один спускает лапу с крыши, пробует воздух и замирает.

Пять метров занимают вечность. Универсал встаёт поперёк двух парковочных мест. Следующий — белый седан с заблокированным рулём. Мы толкаем его прямо, пока бампер не упирается в колонну. Металл скрежещет по бетону. С потолка падает первая тварь.

Павел успевает подставить карабин поперёк пасти. Скребень сбивает его на капот, лапы царапают бронежилет, а хвост бьёт по стеклу. Я хватаю тварь за заднюю лапу, дёргаю. Бесполезно: она весит почти как человек, только держится за поверхность сразу шестью точками. Приходится всадить нож под серую пластину у основания черепа. Лезвие входит с сопротивлением, будто режу крышку. Скребень дёргается, отпускает карабин и поворачивается ко мне. Павел стреляет снизу вверх.

Выстрел в закрытом помещении бьёт по ушам. Тварь слетает с капота. С потолка отвечает шорох.

— Всё, — говорю я, не слыша собственного голоса. — Мебелью быть перестали.

Мы бежим к воротам. Позади падает мелкая крошка, потом одна туша, вторая, третья. На свет Скребни не лезут сразу: останавливаются в полосе тени, цепляясь за края бетонного перекрытия. Белёсые морды выглядывают одна над другой.

— Их там штук сорок, — говорит Павел.

— Двадцать семь.

— Тебе легче?

— Нет.

К школе подходит Елена. Она видит серую массу в темноте и перестаёт спрашивать, куда мы денем тварей.

Я вызываю Опись. Собственные вещи вспыхивают бледно. Школьные ворота, чужие ружья, машины — никак. А где-то под землёй ровным золотым прямоугольником горит кассета. Даже бетон не глушит отметку.

— Мне нужен шум с другой стороны, — говорю я.

— Там нет другой стороны, — отвечает Елена.

Из решётки у стены раздаётся кашель. Ружья поднимаются одновременно. Из темноты за сеткой высовывается рука — грязная, в порезах, с красной полосой вокруг запястья.

— Не стреляйте, — говорит мужской голос. — Я задолбался объяснять это каждому, кого встречаю.

Мы выдёргиваем решётку топором. Сначала наружу вылезает рюкзак с квадратным логотипом курьерской службы, потом парень лет двадцати пяти. Худой, мокрый, куртка порвана от плеча до пояса. На щеке засохла кровь. Над головой у него дрожит красная надпись, которую, судя по его взгляду, видим только мы с ним.

[ОТКАЗНИК]

[Нарушенных обязательств: 1]

— Егор Тарасов, — говорит он, ещё сидя на земле. — Курьер. Был. Сейчас, наверное, вентиляционный специалист.

— От кого бежишь?

— От этих. — Он кивает на паркинг. — И от тех, которые в людях.

— Сумка где?

Егор смотрит на свой рюкзак, потом понимает.

— Не эта. Доставочная осталась в машине на нижнем уровне. Там телефон, документы клиента и... В общем, всё.

— Что доставлял?

— Ничего. Я должен был забрать подпись под актом. Клиент умер, пока я поднимался. Его мать позвонила, попросила хотя бы прислать голосовое, которое он записал перед смертью. Потом полезли твари. Я бросил телефон в сумке и ушёл через вентиляцию.

Красная надпись над ним становится ярче.

— И теперь они тебя видят, — говорю я.

Егор тянет рукав. Под тканью на предплечье проступают три чёрные точки.

— Сначала одна была.

— Куда надо доставить сообщение?

— Матери. На Мокрушина. Она живая, отметка контакта зелёная. По крайней мере час назад была. Только я назад не пойду.

Он говорит это слишком быстро, будто заранее спорит с кем-то внутри себя. Я его понимаю. Ни один нормальный человек назад не пойдёт. Я тоже не пошёл бы, если бы Варя не сидела в центре, а кассета не держала меня за внутренности невидимой проволокой.

— Пойдёшь, — говорю я. — Покажешь, где машина.

— Вы не поняли. Там Метчики и вот эти на потолке.

— Понял.

— Тогда на хрена?

— Мне нужна дорога для броневика. Тебе — телефон.

— А если телефон разбит?

— Тогда доставишь то, что осталось. Имя, последние слова, факт смерти. Не мне решать, что получателю важнее.

Егор смотрит на меня исподлобья.

— Вы кто вообще?

— Инкассатор.

— А я думал, псих.

— Это совместимо.

Система разворачивает между нами окно.

[Отправитель: Егор Тарасов]

[Получатель: Лариса Юрьевна Соколова]

[Предмет обязательства: последнее сообщение Андрея Соколова либо достоверное уведомление о его утрате]

[Срок: 03:00:00]

[Принять?]

Я читаю формулировку дважды. В ней впервые есть «либо». Система допускает, что груз можно потерять, но нельзя соврать о потере.

— Подтверждай, — говорю я.

Егор морщится, затем произносит:

— Подтверждаю.

Красная метка на его руке стягивается, превращается в тонкое кольцо. Одна точка исчезает.

[Сопровождаемое обязательство принято]

[Маршрут обновлён]

Янтарная линия в паркинге меняется. Теперь она не лезет через крыши. Идёт вниз, к машине Егора, затем возвращается по соседнему пандусу и пересекает складскую зону. Узко, но броневик пройдёт, если открыть противопожарные ворота.

— Ты знаешь, как попасть к складам?

Егор кивает.

— Через сервисный коридор. Я оттуда и полз. Только ворота на магнитах.

— Электричество есть?

— Местами.

— Тогда пошли.

Елена даёт нам третьего человека — молчаливого физрука по имени Артём с налобным фонарём и пожарным багром. Он не спрашивает, можно ли убить тварь багром. Просто проверяет, не болтается ли крюк.

Мы входим через вентиляцию. Егор идёт первым. Короб заставляет ползти на локтях, металл гремит под коленями, пыль набивается в рот. Маршрут висит перед глазами узкой полосой, местами проходит прямо сквозь ребро воздуховода. Цена пути в нём не указана. Ни количества тварей, ни того, сколько костей можно сломать на повороте. Только расстояние: сто восемьдесят четыре метра.

На первом ответвлении Егор замирает. Снизу слышно, как кто-то разговаривает.

— Не надо, — говорит женский голос. — Я верну. Я всё верну.

Мужчина отвечает тихо, разобрать нельзя. Потом женщина повторяет ту же фразу с тем же всхлипом, точно запись прокрутили сначала.

Егор показывает два пальца и указывает вниз. Метчики.

Мы обходим решётку. Через двадцать метров короб провален, приходится спускаться в техническое помещение. На полу лежит охранник. Живой или нет, непонятно: глаза открыты, грудь не движется. Рядом рация. Я наклоняюсь, но Егор хватает меня за плечо.

— Он так час лежит. Я тоже хотел проверить.

Охранник поворачивает голову. Не медленно, как раненый человек. Сразу, до упора, так что подбородок оказывается над плечом.

— Верни, — говорит он женским голосом.

Артём вгоняет багор ему под ключицу и прижимает к полу. Из рта охранника выходит чёрная нить, тянется к Егору. Я бью по ней ножом. Лезвие проходит насквозь, но нить отдёргивается, будто почувствовала боль.

— В дверь! — шепчу я.

Егор открывает сервисную дверь карточкой из рюкзака. Мы протискиваемся, Артём выдёргивает багор последним. Охранник поднимается, хотя рана должна была уложить его навсегда. Он подходит к двери и начинает скрести ногтями по металлу.

— Они не носят людей, — говорит Егор, тяжело дыша. — Они носят то, что человек не доделал. Если бросил кого-то, они знают голос. Если обещал — знают слова.

— Откуда знаешь?

— Наблюдал, пока прятался. Очень познавательно. Не рекомендую.

Машина стоит у лифта, зажата двумя колоннами. Маленький жёлтый фургон. Дверь водителя открыта, ключи висят в замке. На сиденье лежит термос, в подстаканнике — телефон с треснувшим экраном. Доставочная сумка видна снаружи: Метчики натянули её между двумя машинами, как приманку. Вокруг сидят трое человеческих тел.

— Не подходи, — говорю Егору.

— Там код на телефоне.

— Скажешь потом.

Я достаю из кармана пустой магазин. В паркинге он уже один раз сработал как приманка, но теперь своей вещью я никого не обману.

— Артём, примете магазин на хранение до школы?

Физрук смотрит на меня, потом на магазин.

— Приму. Только если патроны будут.

— Патронов нет.

— Тогда это не магазин, а железка.

— Система любит точность.

— А я люблю патроны.

Он всё-таки протягивает ладонь.

[Краткое хранение принято]

Предмет наливается тёплым светом. Я кладу его на пол и толкаю в сторону лифтовой шахты. Магазин скользит по плитке. Все трое Метчиков поворачиваются одновременно. Нити выходят из их ртов, тянутся к вещи, в которой появилось чужое доверие.

Я бегу к сумке. Один Метчик успевает понять обман и разворачивается. Егор выскакивает следом, хотя я велел стоять. Он бьёт тело курьерским рюкзаком, сбивает в сторону. Из распоротого рта хлещет чёрная нить. Она цепляется за красное кольцо на его руке. Егор падает.

Надпись [ОТКАЗНИК] вспыхивает. Метчик тянет его к себе не руками — виной. Парень скользит по полу, ногти ломаются о плитку. Я прижимаю ладонь к доставочной сумке.

[ОПИСЬ]

[Предмет обязательства найден]

[Целостность носителя: 61 %]

[Содержание сообщения: доступно]

— Егор! — кричу я. — Имя получателя!

Он смотрит на меня, не понимая.

— Назови мать!

— Лариса Юрьевна Соколова!

— Что ты ей должен?

— Передать голос Андрея!

— Срок?

— Три часа!

Каждый ответ затягивает золотое кольцо вокруг сумки. Чёрная нить на его руке дымится. Метчик дёргает сильнее. Егор орёт, но повторяет:

— Лариса Юрьевна Соколова! Сообщение сына! Три часа!

Пломба срабатывает без команды. Свет проходит от сумки по моим рукам и бьёт в нить. Метчик отлетает к машине. Павел стреляет ему в грудь, Артём добивает багром.

Двое у лифта уже рвут магазин. Один прокусывает металл, понимает, что внутри пусто, и поворачивается к нам.

— Хватай сумку, — говорю я.

— А магазин? — спрашивает Артём.

— Обещал вернуть.

— Ты сейчас серьёзно?

Я бегу за железкой. Наверное, со стороны это выглядит как самая нелепая форма самоубийства в Томске: взрослый мужик лезет под тварей ради пустого магазина. Но пломба не знает слова «пустой». Для неё есть только принятое и неисполненное.

Артём встречает первого Метчика багром. Павел выбивает второму колено. Я подхватываю магазин, бросаю физруку.

[Краткое хранение завершено]

[Начислено: 1 ед. доверия]

— Один балл, — говорит Артём, глядя на системное окно. — За это?

— Мог соврать, что потерял.

— Тогда бы я тебя сам убил.

— Поэтому и начислили.

Егор садится за руль фургона. Двигатель заводится со второго раза. Мы запрыгиваем внутрь. Он разгоняет машину по техническому коридору, сносит пластиковые ограничители и бьёт бампером в противопожарные ворота. Магниты держат.

— Я же говорил! — кричит он.

— Говорил про электричество!

— Оно и держит!

Павел стреляет в красную коробку аварийного отключения. С первого выстрела попадает в стену, со второго — в крышку. Егор сдаёт назад и снова бьёт ворота. Створки расходятся.

За ними открывается соседний пандус, заставленный тележками и коробками, но без машин. Янтарная линия проходит свободно.

— Теперь за броневином, — говорю я.

Егор не останавливается.

— Ты оглох?

— А вы собираетесь оставить фургон?

— Он не бронированный.

— Зато мой. И воняет пиццей. И если я вернусь пешком, это будет уже второй профессиональный провал за вечер.

Он разворачивает машину так резко, что Павел ударяется шлемом о стойку.

— Ненавижу курьеров, — говорит Павел.

— Зато мы знаем короткие дороги, — отвечает Егор.

Броневик выводим через складской проезд. Роман проходит между бетонным столбом и воротами с зазором в ладонь, ни разу не коснувшись стены. Я и Егор идём впереди, оттаскиваем тележки. Скребни срываются с потолка, но отстают на повороте: жёлтый фургон перекрывает им путь, пока Егор не выжимает газ и не уходит следом.

Когда мы появляемся в школьном дворе, Елена сначала не открывает ворота. Из паркинга вместе с нами вываливается серая волна, и на секунду кажется, что мы просто привели ей всю эту дрянь.

— Ворота! — ору я.

Двустволка бьёт из окна второго этажа. Крайний Скребень переворачивается. Елена отходит от створки, мужчины тянут её на себя. Броневик проходит, следом влетает фургон. Артём остаётся снаружи на две секунды дольше, цепляет багром трос аварийного шлагбаума и роняет металлическую стрелу поперёк проезда.

Скребней это не останавливает. Зато задерживает.

Роман разворачивает машину кормой. Павел и школьные стрелки работают по лапам. Оксана выбегает из салона, неся канистру с дезинфицирующим раствором. Галине достаётся бутылка, мне — другая. Мы льём жидкость полосой по асфальту. Елена бросает горящую тряпку. Огонь встаёт стеной.

Скребни не боятся пламени. Первый прыгает прямо сквозь него и загорается, но второй останавливается, потому что горящая тварь бьётся у него под лапами. Этого хватает. Ворота сходятся. Мужчины набрасывают цепь. В школьном дворе пахнет палёной резиной, спиртом и шерстью, которой у тварей нет.

— Привели, — говорю Елене.

Она смотрит на броневик, потом на жёлтый фургон.

— Вы ещё и доставку заказали?

Егор вылезает из кабины.

— Без пищи.

Мы переносим Крамова и Фёдора в спортивный зал. Оксана наконец работает не на коленях в трясущемся салоне, а за столом, под нормальным светом. У неё появляются помощники, вода и аптечка школьного медкабинета. Через десять минут она снимает перчатки и говорит:

— Крамов доживёт до утра, если не будет внутреннего кровотечения. У Фёдора тяжёлая голова, но зрачки ровные. Оставляю обоих здесь.

— А ты? — спрашиваю я.

— У вас машина скорой, контейнеры и привычка собирать раненых. Если останусь, через час начну гадать, кого вы убили неправильной перевязкой.

— У нас нет мест.

— Освободились два.

Она говорит это ровно, но смотрит на Фёдора. Он лежит на мате, укрытый детским одеялом с футбольными мячами. Оксана наклоняется, поправляет ему воротник и только после этого отходит.

Павел решает остаться. Не сразу. Он ходит вокруг броневика, проверяет магазин, будто ищет техническую причину ехать дальше. Потом видит, как школьный мужчина держит ружьё палец на спуске, и забирает оружие.

— Им нужен тот, кто объяснит, что предохранитель не украшение, — говорит он. — И ворота долго не выдержат.

— Это не наш договор.

— Знаю. — Павел протягивает мне карабин. — Поэтому не надо делать вид, что ты меня оставил. Я сам.

Я принимаю оружие. Галине он отдаёт запасной магазин, а потом забирает назад и вручает Елене.

— При свидетеле, — говорит он. — Временное пользование для обороны школы. Вернёте, если увидимся.

Система коротко подтверждает договор. Артём усмехается:

— Быстро учитесь.

— Учитель хороший, — отвечает Павел. — Злой только.

У школьной радиорубки сохранился старый передатчик гражданской обороны. Батареи тнут, антенна на крыше цела. Егор вводит частоту своей службы, ловит только треск. Галина перебирает банковские каналы. На третьем слышится голос:

— ...семнадцатый, если вы принимаете, не отвечайте открытым именем. Повторяю...

Она хватает микрофон.

— ЛН-девять, это касса два. Контрольный вопрос: сколько я списала на картриджи в марте?

Пауза длится слишком долго.

— Ноль, — отвечает голос. — Вы купили их сами и потом три месяца ругались с бухгалтерией.

Галина закрывает глаза.

— Лев.

Лев Назаров говорит быстро, перебивая помехи. ИТ-аудитор банка. Утром его считали самым бесполезным человеком в здании, потому что он находил нарушения после того, как все уже получили премии. Сейчас он сидит в серверной филиала на Ленина, держит резервную сеть и читает системные протоколы, которые кто-то продолжает писать поверх банковских.

— Кассета у вас? — спрашивает он.

— У нас, — отвечаю я.

— Целостность?

— Сто.

— Слушай внимательно. Центральный терминал существует. Площадь Новособорная, под областным узлом связи. Но шлюз не примет залог ниже третьего ранга. Я проверил на двух объектах. Нулевой и первый даже не видят интерфейс.

— Почему?

— Потому что городской узел не хочет доверять тому, кто совершил одну доставку.

— Я совершил больше.

— Значит, совершишь ещё. У тебя какой ранг?

— Первый.

В рубке становится тихо. Даже Егор не шутит.

До конца Наложения остаётся тридцать три часа с небольшим. Варя сидит в секторе третьего ранга. Главная дорога закрыта не бетонной плитой и не тварью. Она закрыта требованием, которое нельзя расстрелять.

— Как поднимать? — спрашиваю я.

— Выполнять обязательства. Разные получатели, реальный риск, подтверждённая передача. Самовыдача, круговые договоры и передача одной вещи туда-сюда не считаются. Ещё важно...

Голос тонет в треске. Потом возвращается чужой.

— Граждане Томска, говорит руководитель Северного периметра Глеб Арсеньев.

Елена прибавляет звук.

— В городе действует преступная группа на бронированном автомобиле номер семнадцать. Старший группы, Илья Гордин, незаконно удерживает банковскую кассету, признанную системным активом. В кассете находится ресурс, необходимый для защиты более четырёхсот человек. Гордин отказался передать его законному владельцу и подвергает опасности гражданских.

На меня смотрят люди в рубке. Потом те, кто стоит в коридоре. Радио работает по всей школе. Глеб продолжает спокойно, без истерики:

— За информацию о местонахождении автомобиля предоставляется место в Северном периметре. За доставку кассеты — пять мест и право сохранить личный класс. Не вступайте в бой. Экипаж вооружён.

Егор присвистывает.

— Пять мест. Щедрый мужик.

— Он не знает, что кассету нельзя снять, — говорит Галина.

— Знает, — отвечаю я. — Поэтому ему нужен я живым.

Радио снова шипит. Голос Льва прорывается на секунду:

— Илья, он слушает банковские каналы. Уходите. Я найду вас сам.

Связь обрывается. За школьными окнами темно. Где-то там люди уже запоминают номер машины. У кого-то жена, ребёнок, родители. Пять мест — это не награда. Это правильная цена чужого предательства.

Я возвращаюсь в спортивный зал. Крамов спит. Фёдор не приходит в себя. Павел стоит у окна. Елена раздаёт воду. Все заняты делом и делают вид, что не слышали объявление.

Нам нельзя оставаться здесь. Теперь броневик приведёт к школе не только тварей.

— Выезжаем через пять минут, — говорю я.

Галина поднимает свою сумку.

— Куда?

Перед глазами висит главный золотой прямоугольник. Рядом — янтарная линия незаконченного сообщения Егора.

— На Мокрушина. Потом найдём следующего отправителя.

— А после?

Я смотрю на счётчик ранга.

[Ранг 1: 18/100]

До Вари — восемьдесят два чужих доверия, если Система вообще считает так просто.

— После ещё одного.

Когда ворота открываются, радио оживает в последний раз. Голос Глеба теперь обращается лично ко мне:

— Илья, ты всё равно повезёшь груз получателю. Вопрос только в том, кто им станет.

В зеркале заднего вида школьные окна гаснут одно за другим. Над броневиком появляется новая строка:

[НАГРАДА: ПРАВО НА УБЕЖИЩЕ]

И впервые за вечер на нас охотятся не только мёртвые.

Глава 5. Чужая крепость

Дом на Мокрушина стоит без света, но в окне пятого этажа горит свеча. Егор замечает её раньше меня. Жёлтый фургон моргает фарами из-за броневика, просит остановиться. Роман прижимается к бордюру, не глушит двигатель.

— Две минуты, — говорю я.

— У тебя на всё две минуты, — отвечает Галина. — А потом мы час вытаскиваем тебя из подвала.

— Значит, умею укладываться.

Во дворе тихо. Ни Скребней, ни брошенных машин, ни людей с глазами, которые слишком долго смотрят на нашу броню. Подъездная дверь открыта. На первой площадке лежат пакеты с мусором, выставленные по старой привычке; на третьей из-за двери слышится детский плач. Мы с Егором поднимаемся пешком. Оксана идёт следом, хотя я не звал.

— Вдруг матери плохо, — объясняет она.

— Всем плохо.

— Поэтому я выбираю тех, до кого дошла.

Лариса Юрьевна открывает после кодовой фразы из сообщения. Ей около шестидесяти, на ней пуховый платок поверх домашнего халата, в руке молоток. Увидев курьерскую куртку, она опускает оружие. Не спрашивает, где Андрей. Наверное, уже всё поняла по тому, как Егор держит сумку.

Телефон включается только от внешнего аккумулятора. Экран полосит, сенсор не работает в верхнем углу. Егор трижды ошибается с кодом, матерится, вытирает пальцы о штаны и наконец открывает голосовое.

Мужской голос говорит из динамика спокойно. Андрей сообщает, что попал в аварию возле коммунального моста, что скорая не проедет, что он не чувствует ног. Потом просит мать не ехать за ним. На последних секундах в записи появляется металлический шум, и голос торопливо добавляет: «Мам, я документы подписал. Квартира твоя. Код у нотариуса — день, когда мы на Чёрное море...» Запись обрывается.

Лариса Юрьевна стоит, прижав молоток к груди. Егор протягивает ей телефон, но она не берёт.

— Ещё раз.

Он включает. На втором прослушивании она садится на табурет. На третьем записывает код на обеих ручкой, хотя запомнила с первого раза. Потом забирает телефон обеими руками.

[Получатель подтвердил принятие]

[Обязательство исполнено]

Красное кольцо на руке Егора рассыпается. Надпись [ОТКАЗНИК] тускнеет, но не исчезает полностью.

[Восстановление доверия: 1/3]

[Уровень повышен: 3]

[Доступно улучшение способности «Опись»]

Я смотрю не на окно, а на Ларису Юрьевну. Она гладит разбитый экран большим пальцем и вдруг спрашивает:

— Вы его видели?

Егор открывает рот. Вот она, развилка. Можно сказать «нет» и закончить. Можно соврать, что Андрей умер быстро, потому что так говорят родным. Я вижу, как парень хочет выбрать мягкое.

— Видел, — отвечает он. — Уже после. Он был пристёгнут. Машина не горела. Я закрыл ему глаза.

Лариса Юрьевна кивает. Не благодарит. Просто знает теперь ещё одну вещь, с которой придётся жить. Когда мы выходим, у Егора дрожат руки.

— Можно было не говорить.

— Можно, — отвечаю я.

— А правильно?

— Я не священник. Ты доставил сообщение, она задала вопрос, ты ответил.

— Хороший у вас класс.

— Класс нормальный. Работа говно.

Внизу Роман уже вышел из кабины. Стоит возле колеса, смотрит в телефон. Увидев нас, гасит экран.

— Что?

— Ничего. Связь поймал на секунду.

— От кого?

— Спам. Даже конец света не помог избавиться.

Он улыбается. Слишком старательно. Я не спрашиваю второй раз: за воротами двора зажигаются фары.

Сначала две. Потом ещё четыре.

Машины входят без спешки, перекрывают оба выезда. Белые внедорожники, микроавтобус, старый банковский броневик с покрашенным номером. На дверях нарисован чёрный квадрат с белой буквой «С». Северный периметр приехал за нами.

Люди выходят по команде. Не орут, не палят в воздух. На них одинаковые строительные каски, бронежилеты и белые повязки. У каждого оружие, у двоих — пластиковые щиты. Они занимают подъезды, ставят прожектор, проверяют крыши. Работают так, как должен был бы работать городской отряд, если бы город ещё существовал. Последним выходит Денис Ваганов.

Я знаю его. Начальник мобильных групп банковской безопасности. Тридцать восемь лет, бывший ростовардеец, взысканий нет, две благодарности за задержания. Весной мы вместе разбирали нападение на экипаж: он требовал заменить все маршруты, руководство заменило дверные наклейки.

— Илья, — говорит Денис. — Рад, что живой.

— Взаимно. Отгони машины.

— Давай без цирка. Мы приехали забрать актив и предложить вам место.

— Глеб уже предложил пять.

— Это для тех, кто сдаст вас. Экипажу больше. Всем.

Он показывает пустые ладони. Оружие висит на ремне. Его люди держат стволы вниз, но двое уже смотрят на колёса нашего броневика.

Роман поднимается в кабину. Галина закрывает внутреннюю дверь. Оксана остаётся у задней створки с медицинской сумкой, в которой кроме бинтов лежат три магазина. Егор прячется за своим фургоном и зачем-то надевает курьерский шлем.

— Всем — это кому? — спрашиваю я.

— Тебе, водителю, Галине Леонидовне, медику, пацану. Пять человек. Плюс близкие первой линии, если они уже зарегистрированы у нас.

Денис смотрит на Романа. Всего доля секунды, но хватает.

— Моя семья у вас? — спрашивает тот из кабины.

— Наталья и Кирилл Шаталовы прошли внешний шлюз сорок семь минут назад.

Роман хватается за дверцу так, что белеют пальцы.

— Они живы?

— Были живы при регистрации. Глеб Викторович выделил им место, хотя квота закончилась.

— Покажи.

Денис достаёт планшет. На экране фотография: Наталья в тёмной куртке, рядом мальчик лет девяти. За ними бетонный вестибюль жилого комплекса и чёрно-белый знак периметра. У ребёнка кровь на лбу, но стоит сам. Роман спрыгивает на землю.

— Что надо подписать?

— Сначала пусть покажут договор, — говорю я.

Он поворачивается ко мне:

— Ты видел? Они там.

— Видел.

— Тогда что мы обсуждаем?

— Цену.

— Да мне плевать на цену!

— Поэтому её и надо прочитать.

Денис не вмешивается. Уверен, что уже победил. Достаёт из внутреннего кармана пластиковую карточку с печатью банка, касается ею планшета. Воздух перед нами темнеет.

[ДОГОВОР ВХОДА В СЕВЕРНЫЙ ПЕРИМЕТР]

[Владелец: Глеб Викторович Арсеньев]

[Принимаемая сторона получает: место проживания, базовый рацион, защиту периметра]

[Срок: до окончания Наложения и последующей стабилизации]

[Вступительный вклад для экипажа №17: залоговая кассета; транспорт; доступные ресурсы]

Под текстом кнопки согласия. Всё выглядит разумно. Даже слишком. Город снаружи, стены внутри, еда и охрана. За это отдать машину и кассету с бесполезными теперь деньгами. Я включаю улучшенную Опись.

Буквы раздваиваются. Под каждой строкой проступает серый слой, который раньше не видел.

[Полнота отображения: 43%]

— Тут ещё условия, — говорю я.

Денис чуть меняется в лице.

— Стандартные.

— Какие?

— Регламент внутреннего порядка. Распределение труда. Ничего, чего не бывает в убежищах.

Рация в броневику трещит. Галине удаётся вывести звук наружу.

— Илья, — говорит Лев Назаров. — Не принимай. Я вижу сигнатуру договора через банковский ключ.

Денис резко смотрит на машину.

— Отключите передатчик.

Его человек делает шаг к броневику. Я поднимаю карабин.

— Ещё один — и договор будем читать по трупам.

Лев тараторит, пока связь не заглушили:

— Пункт семь: безотзывная передача владельцу всех найденных ресурсов. Пункт девять: владелец получает право назначать обязательства. Пункт одиннадцать: отказ от назначенного обязательства считается нарушением периметра. Пункт двенадцать...

В эфире визг.

— Лев? — зовёт Галина.

Тишина. Денис вздыхает.

— Да. Люди работают. Представляете? Генераторы не сами крутятся, стены не сами охраняются. Кто-то готовит, кто-то разгружает, кто-то выходит за ресурсами. За это четыреста двенадцать человек живы.

— А классы? — спрашиваю я.

— Классы координируются владельцем.

— Передаются?

— Не передаются. Используются в общих интересах.

— И человек не может отказаться.

— Может уйти.

— После «последующей стабилизации», которую определяет Глеб.

Денис подходит ближе. Его люди напрягаются, но он оставляет руки на виду.

— Ты всю жизнь работал по договору, Илья. Был график, инструкция, начальник. Если кассир просила тебя вынести мешок через чёрный ход, ты не устраивал референдум. Почему сейчас решил, что каждый должен сам выбирать?

— Потому что у старого начальника не было права забрать мой класс.

— У старого начальника было право уволить тебя и оставить без денег.

— Деньги хотя бы можно было заработать в другом месте.

— А безопасность сейчас где заработаешь?

Он не злодей. Это хуже. Он говорит правду ровно до той границы, за которой правда становится клеткой. Четыреста двенадцать человек живы. Генераторы работают. Дети сидят за стенами. Может, через сутки все свободные убежища падут, а Глеб останется единственным, кто оказался прав. Роман смотрит на фотографию семьи.

— Мне надо туда, — говорит он.

— Поезжай, — отвечаю я.

Он моргает.

— Что?

— Броневик не отдам. Тебя не держу. Возьми фургон Егора.

— Эй, — отзывается Егор из-за машины.

— Возьми внедорожник Дениса. Он же спасает семьи.

Денис кивает:

— Без проблем.

— И что дальше? — Роман смотрит то на меня, то на броневик. — Ты поведёшь?

— Научусь.

— Ты на своей легковушке парковался по звуку.

— Зато редко.

— Потому что жена запретила ездить!

— Бывшая жена. И не запретила, а убедительно попросила.

Он почти смеётся. Потом фото на планшете возвращает его.

— Наташка меня не простит, если я не приду.

— Если придёшь и подпишешь за неё вечную работу, тоже может не простить.

— Она живая.

— Поэтому не решай за неё быстро.

Роман садится на подножку. Закрывает лицо ладонями. Вокруг вооружённые люди ждут, пока один водитель выберет между семьёй и экипажем. Мир кончился, а начальники всё ещё умеют превращать личное горе в служебный рычаг. Денис первым теряет терпение.

— Времени нет. Через десять минут сюда стянутся твари на работу прожекторов. Подписывайте или передавайте кассету.

— Получатель кто? — спрашиваю я.

— Глеб Арсеньев. Владелец периметра.
— Он не отправитель и не общественный узел.
— Банк — отправитель.
Галина открывает бойницу.
— Я представляю кассу отправителя. Передача частному лицу не подтверждена.
— Галина Леонидовна, банк больше не существует.
— Тогда и вы не можете прикрываться его бумажкой.
Денис сжимает челюсть.
— Снять пломбу.
Его люди двигаются сразу.

Первый щит закрывает стрелка. Второй идёт к водительской двери. Двое бросают под колёса ленты с шипами. Они не хотят убивать нас, и это даёт несколько секунд. Я стреляю в прожектор. Двор проваливается в темноту.

Роман запрыгивает в кабину. Дизель уже работает. Броневи́к сдаёт назад и бьёт банковский микроавтобус в бок. Тот разворачивает поперёк проезда, прижимает одного из людей к стене. Крики, свет фонарей, короткие команды. Я тяну заднюю дверь.

Чья-то рука хватается край створки. Денис. Он успел добежать и теперь висит на подножке, упираясь ногами в бампер.

— Останови машину!
— Роман, не слушай!
— Я твою семью вывел! — кричит Денис.

Роман видит его в зеркале. Броневи́к замедляется.

— Они были у внешнего шлюза, — продолжает Денис. — Я дал им допуск! Ты мне должен!

Чёрная нить появляется не из его рта, а из системного договора. Тянется к Роману через лобовое стекло. Значит, правило касается не только тварей. Любое обязательство можно превратить в поводок, если назвать чужое спасение авансом.

— Он тебе ничего не передавал, — говорю я. — Договор не подтверждён.
— Я обязан семье!
— Семье — да. Денису — нет.

Нить дрожит.

— Роман Шаталов! — кричит Галина из салона. — Назови, что принял!
— Ничего я не принимал!
— Громче!
— Ничего не принимал!

Нить лопается. Денис отшатывается, но не падает. Другой рукой он достаёт из подсумка плоский резак и всаживает под край внешней пломбы на двери. Боль приходит раньше звука.

Будто резак входит мне между рёбер. Я сгибаюсь, ладони сами хватаются за грудь. На внешней стороне брони золотой контур вспыхивает красным.

[Попытка принудительного отчуждения]

[Целостность основного груза: 99,8%]

— Убери! — Оксана бьёт Дениса медицинской сумкой по лицу.

Он держится. Резак уходит глубже. Внутри меня что-то рвётся ещё на две десятых процента.

Егор догоняет броневик на фургоне. Жёлтая машина вылетает из темноты и боком прижимает Дениса к нашей корме. Не насмерть — бампер ударяет ниже колен, срывает его с подножки. Резак остаётся в пломбе.

Я хватаю рукоять. Дёргать нельзя: система считает инструмент частью попытки. Приходится закрыть ладонью место повреждения и вызвать способность.

— Пломба.

Свет обжигает пальцы. Металл резака медленно выталкивает наружу. Повреждённый контур стягивается, как кожа вокруг шва.

[Расход доверия: 6]

[Целостность основного груза: 99,9%]

Одна десятая не возвращается. Я запоминаю это лучше любого лица.

— Выезд перекрыт! — кричит Роман.

Банковский броневик стоит поперёк арки. За ним люди Дениса ставят щиты. Сзади белый внедорожник уже таранит фургон Егора. Нас заперли между домами. Я смотрю на Маршрут.

Янтарная линия идёт не в арку. Поворачивает налево и проходит сквозь металлические ворота подземных гаражей.

— В гараж!

— Там ворота!

— Существуют!

Роман не уточняет, в каком смысле. Разгоняется. Броневик бьёт ворота по центру. Металл прогибается, крепления лопаются, полотно падает внутрь. Мы въезжаем в ряд тесных кирпичных боксов.

— Дальше стена, — говорит Галина.

Линия делает поворот между гаражами, опускается под землю и выходит к противоположному проезду. Проход есть, но завален хламом.

— Егор, отсекай погоню!

Рация отвечает:

— А чем? У меня фургон из фольги!

— Ворота урони!

Он понимает. Жёлтая машина входит следом, цепляет сорванное полотно задним бампером и тащит за собой. Преследующий внедорожник налетает на металл, подбрасывается и застревает в проёме. Остальные начинают объезжать.

Внутри гаражей люди. Они прятались в боксах и теперь выбегают на грохот. Кто-то бросается к стенам, кто-то машет нам. Один мужчина в тапочках встаёт прямо перед машиной.

— Назад! — кричит он. — Там завал!

Роман тормозит в полуметре от него.

— Как открыть дальний проезд? — спрашиваю я через бойницу.

— Никак. Перекрытия рухнули.

Линия идёт под завал.

— Есть подвал?

— Овощные ямы.

— Сквозные?

— Раньше были. Потом бокс двадцать третий поставил стену.

Опять маршрут существует. Просто нам надо превратить стену в дверной проём.

Люди Дениса появляются у въезда. Стреляют по колёсам. Пули бьют в кирпич.

— Кто хозяин двадцать третьего?

Мужчина в тапочках поднимает руку.

— Я.

— Разрешаете снести стену?

— Вы с ума сошли?

Пуля выбивает кусок кирпича над его головой.

— Уже разрешаю!

Мы проламываем перегородку не машиной — подвал слишком узкий. В боксе находится кувалда, лом и древний мотоцикл без колёс. Галина остаётся у кассеты, Оксана держит кормовую дверь, Роман с Егором таскают кирпичи вместе с гаражниками. Я бью кувалдой.

Каждый удар отдаёт в повреждённой пломбе. Люди Дениса идут по проходу, но щиты не помещаются между боксами. Им приходится снимать строй. Оксана стреляет не в людей, а в лампы. Темнота снова работает на нас.

Стена падает наружу. За ней узкий съезд к соседнему двору. Броневи́к проходит впри-
тирку. Боковые зеркала складываются, броня сдирает штукатурку.

Егор должен идти последним. Его фургон ниже и уже, но двигатель глохнет прямо в проломе.

— Давай! — кричит Роман.

Стартер щёлкает. Не крутит. В гараже появляются фонари.

— Бросай машину! — говорю я по рации.

Егор не отвечает. Открывает капот, что-то бьёт кулаком, снова поворачивает ключ. Фургон кашляет. Первый человек Дениса хватается заднюю дверь.

Егор включает передачу. Машина прыгает, срывает нападающего с ног и вываливается во двор. За ней из проёма вылетает пуля, разбивает правый фонарь. Мы не останавливаемся.

Через три квартала преследование отстаёт. Не потому, что мы быстрее. На перекрёсток выползают Скребни, привлечённые стрельбой, и машины Северного периметра вынуждены свернуть.

В салоне темно. Галина подсвечивает внешнюю пломбу фонарём. Золотая полоса затянулась вокруг зарубки, но повреждение видно.

— Они сняли одну десятую, — говорю я.

— Ничего они не сняли. Поцарапали.

— Целостность девяносто девять и девять.

Она замолкает. Для кассира сумма всегда либо сходится, либо нет. Девяносто девять и девять — это не почти сто. Это недостача.

— Довезём так, — говорит она.

— Терминал может не принять.

— Тогда заставим.

Оксана осматривает мои пальцы. На ладони нет ожога, хотя боль остаётся.

— Ты связан с этой штукой сильнее, чем показываешь.

— Я сам не знаю насколько.

— Очень утешает.

Роман молчит. Его телефон лежит экраном вниз на приборной панели. Через минуту вспыхивает системное окно.

[Вы отказались от передачи обязательства получателю с несовместимыми условиями]

[Коэффициент доверия повышен]

[Основной залог: допустимые направления]

[1. Частный владелец — сформирован]

[2. Общественный узел — не сформирован]

Две строки висят рядом. Первая яркая, готовая. Вторая серая.

Глеб уже стал получателем. Не потому, что имел право, а потому, что собрал достаточно стен, людей и подписей. Город пока никто не собрал.

— У нас есть выбор, — говорит Галина.

— Один готовый и один, которого нет.

— Значит, сделаем.

Я смотрю в бойницу. Улицы пусты. В каждом доме десятки людей, но вместе они ничего не образуют. Просто отдельные окна, отдельные страхи, отдельные сделки за места. Чтобы создать общественного получателя, придётся убедить город принять груз, который никому лично не принадлежит. Не представляю как.

На выезде к Елизаровых броневик останавливается возле разбитого светофора. Роман говорит, что проверит колесо. Спускается, обходит машину, достаёт телефон. Я вижу его через зеркало. На экране открыто сообщение:

«НАТАЛЬЯ ШАТАЛОВА. СЕКТОР С-4. ВХОД ДЛЯ РОМАНА ШАТАЛОВА РАЗРЕШЁН ДО 01:30. КООРДИНАТЫ...» Он читает, запоминает и удаляет. Когда возвращается, лицо обычное.

— Колесо цело, — говорит он.

— Хорошо.

Я не говорю, что видел. Он не говорит, куда собирается. До закрытия входа в Северный периметр остаётся час пятьдесят семь минут. А между нами впервые появляется груз, который никто не принял на хранение.

Глава 6. Безналичные мертвецы

Топлива остаётся на сто двадцать километров. В мирное время этого хватило бы до Юрги, если не гнать. Теперь двенадцать километров по Томску могут сожрать половину бака: объезды, тараны, работа на холостых, попытки вытащить жёлтый фургон из очередной ямы. У скорой Егора топлива ещё меньше. Именно скорой — курьерский фургон лишился радиатора возле гаражей, и мы бросили его в чужом дворе. Егор переживал ровно до тех пор, пока не увидел свободное водительское место в машине Фёдора.

— Категория есть? — спросила Оксана.

— В правах — нет.

— А фактически?

— Фактически в городе нет ГАИ.

Она ударила его свёрнутой картой, но ключи отдала. Сейчас скорая держится за нами, моргая одной фарой. На крыше не работает маяк, зато сирена цела. Егор включает её на каждом перекрёстке, хотя пропускать некому. Наверное, ему нравится, что хоть одна часть прежней работы ещё подчиняется кнопке.

Роман ведёт к торговому центру на Герцена. Там есть подземная разгрузка, дизель-генератор и медицинский магазин. Информацию он получил по короткому обмену между выжившими водителями. От кого именно, не говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.